

28979

1817

52

Ug. ... ..
1907. Pl. VIII, p. 102.

B. I. Lenn u
B. Ugencomr.

1907. III. III. III.
Uff. III. III. III. III.

28974

Изв. Сиб. Политех. Инстит.
1907. Т. VIII, вып. 1. 2.

86490

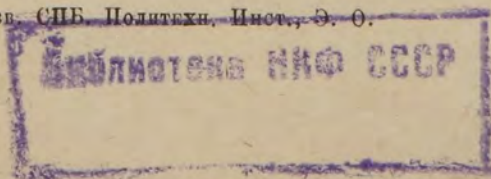
**Обзоръ новѣйшей литературы по хлопководству
и хлопчатобумажной промышленности.**

(1904 -- 1906) ¹⁾.

В. Э. Дена.

1. H. E. Thomann. Die Baumwollspekulation und ihre Bekämpfung. Ein Beitrag zu den Bestrebungen der Baumwollkongresse. Zürich, 1905. (Wirtschaftliche Publikationen der Züricher Handelskammer. Heft 2). Стр. 55.
2. Dr. August Etienne. Die Baumwollfrage vom Standpunkt deutscher Interessen. Berlin, 1904. Стр. 98.
3. Paul Mairet. La crise de l'industrie cotonnière (1901—5), étudiée spécialement dans les Vosges. Dijon, 1906. Стр. 221.
4. Ch. W. Burkett and C. H. Poe. Cotton, its cultivation, marketing, manufacture and the problems of the Cotton World, New-York. 1906. (The Farm Library). Стр. 331.
5. Dr. Ernst von Halle. Baumwollproduktion und Pflanzungswirtschaft in den Nordamerikanischen Südstaaten. Zweiter Teil. Sezessionskrieg und Rekonstruktion. Grundzüge einer Wirtschaftsgeschichte der Baumwollstaaten von 1861—1880. Leipzig, 1906. (Staats- und sozialwissenschaftliche Forschungen, hrsg. von G. Schmoller und M. Sering, Band XXVI, Heft I). Стр. XXVI + 669.
6. S. J. Chapman. The Lancashire cotton industry. A study in economic development. Manchester, 1904. (Publications of the University of Manchester, Economic Series, No. 1). Стр. VII + 309.
7. Report of the tariff commission. Vol. 2. The textile trades. Part. I. The Cotton industry. With appendix. London, 1905 (безъ нумерации страницъ).

¹⁾ Изъ разбираемыхъ сочинений только книга № 18 вышла въ 1907 г.

39

8. Free Trade league. A reply to the report of the tariff commission on the cotton industry, by S. J. Chapman. Manchester and London, 1905. Ctp. XXI + 169.
9. S. J. Chapman. The cotton industry and trade. London, 1905. (Books on business). Ctp. VIII + 175.
10. Holland Thompson, sometime fellow in Columbia university. From the cotton field to the cotton mill. A study of the industrial transition in North Carolina. New-York, 1906. Ctp. IX + 284.
11. R. Pupin. Le coton. Sa production. Sa consommation. Son rôle économique. Paris, 1905—6. Ctp. 84.
12. Dr. W. Lochmüller. Zur Entwicklung der Baumwollindustrie in Deutschland. Jena, 1906. (Abhandlungen des staatswiss. Seminars zu Jena, hrsg. von Prof. Dr. Piersdorff, Band III, Heft 3). Ctp. VI + 127.
13. Dr. Curt Fra'hne. Die Textilindustrie im Wirtschaftsleben Schlesiens. Ihre wirtschaftlichen und technischen Grundlagen, historisch.-oekonomische Gestaltung und gegenwärtige Bedeutung. Tübinger Inaugural-Dissertation. Tübingen, 1905. Ctp. XII + 273.
14. Dr. Friedrich Schworm. Die bayrische Textilindustrie und ihre Entwicklung seit 1875. München, 1904. Ctp. VI + 231.
15. Dr. Joh. Victor Bredt. Die Lohnindustrie, dargestellt an der Garn- und Textilindustrie von Barmen. Berlin, 1905. Ctp. X + 202.
16. Dr. R. Wilbrandt, Privatdocent an der Universität Berlin. Die Weber in der Gegenwart. Socialpolitische Wanderungen durch die Hausweberei und die Webfabrik. Jena, 1906. Ctp. 209.
17. Dr. Joseph Klein. Die Baumwollindustrie im Breuschtel. Strassburg, 1905. Ctp. VIII + 104.
18. Dr. Wilfrid Greif. Studien über die Wirkwarenindustrie in Limbach i. S. und Umgebung. Karlsruhe i. B., 1907. (Volkswirtsch. Abhandlungen der badischen Hochschulen, Band IX, 2 Ergänzungsheft). Ctp. VII + 118.
19. C. Biller. Der Rückgang der Hand-Leinwandindustrie des Münsterlandes. Leipzig, 1906. (Abhandlungen aus dem staatswiss. Seminar zu Münster i. W., hrsg. von Prof. Dr. Max von Heckel, 2 Heft). Ctp. 169.

20. Heimarbeit und Hausindustrie in Deutschland, ihre Lohn- und Arbeitsverhältnisse. Hrsg. im Zusammenhange mit der Deutschen Heimarbeitsausstellung 1906 in Berlin vom Bureau für Socialpolitik. Bearbeitet von Dr. Cl. Heiss und Dr. A. Koppel. Berlin, 1906. Стр. 232.
21. Emil Künzle. Die zürcherische Baumwollindustrie von ihren Anfängen bis zur Einführung des Fabrikbetriebes. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der hohen Staatswiss. Fakultät der Universität Zürich vorgelegt. Zürich, 1906. Стр. III + 84.
22. Dr. Hugo Herz, Privatdocent an der k. k. deutschen technischen Hochschule in Brünn. Die Heimarbeit und der Notstand der Heimarbeiter in der mährischen Textilindustrie. Berlin, 1904. Стр. 75.
23. Dr. W. Leontief. Die Lage der Baumwollarbeiter in St.-Petersburg. Die Geschichte der Industrie und die Fabrikgesetzgebung. München, 1906. Стр. 114.
24. W. Hammerschmidt. Geschichte der Baumwollindustrie in Russland vor der Bauernemancipation. Strassburg, 1906. (Abhandlungen aus dem staatswiss. Seminar zu Strassburg, Heft XXI). Стр. XIV + 124.
25. Artur Weiss. Textil-Technik und Textil-Handel. Vorlesungen, gehalten in dem kommerziellen Textilkurs an der Export-Akademie des k. k. oesterr. Handelsmuseums in Wien. Leipzig und Wien, 1906. Стр. VII + 276.
26. Kalender für die Baumwollindustrie 1906. Ein Jahrbuch für Kaufleute und Industrielle in der Baumwollbranche. 27-ter Jahrgang. Leipzig, 1906. Стр. VIII + 384.

Приведенный нами списокъ работъ, вышедшихъ за послѣднее время по вопросамъ, касающимся хлопководства и хлопчатобумажной промышленности, свидѣтельствуемъ о томъ, насколько эти отрасли народнаго труда привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе. И тѣмъ не менѣе списокъ не можетъ считаться исчерпывающимъ. Такое обиліе работъ объясняется не только современнымъ значеніемъ хлопководства и хлопчатобумажной промышленности, но и тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ нѣмецкая наука посвящаетъ свои силы детальному изученію фактическаго состоянія отдѣльныхъ сторонъ хозяйственной жизни своей родины. Нѣтъ

такого уголка въ современной Германіи, куда бы не проникъ пытливый и терпѣливый взоръ нѣмецкаго изслѣдователя, чтобы изучить господствующія въ немъ отрасли народнаго труда, какъ бы малы эти отрасли ни были. Значительная доля заслуги подобнаго хотя кропотливаго, но зато весьма плодотворнаго изученія принадлежитъ существующимъ при германскихъ университетахъ семинарамъ; въ послѣднихъ возникли и многія изъ тѣхъ работъ, которыя названы въ приведенномъ выше списокѣ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что наблюдавшееся за послѣднее время усиленное вниманіе къ хлопчатобумажной промышленности, кромѣ указанныхъ причинъ, объясняется и нѣкоторыми другими. Среди нихъ мы, напр., назовемъ чрезвычайный подъемъ цѣнъ на хлопокъ, имѣвшій мѣсто въ первые годы XX-го столѣтія, развитіе хлопчатобумажной промышленности въ новыхъ странахъ, главнымъ образомъ въ южныхъ штатахъ Сѣв. Америки, Индіи и Японіи, борьбу между протекціонизмомъ и свободой торговли въ Англии. Мы начнемъ съ разсмотрѣнія тѣхъ работъ, которыя были вызваны первой изъ названныхъ причинъ: вздорожаніемъ хлопка.

Послѣ того какъ въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій цѣны на хлопокъ падали, начиная съ 1900 г. наступилъ поворотъ: цѣны хлопка стали расти. Причинами этого явленія были, съ одной стороны, плохіе урожаи въ Америкѣ, а съ другой—чрезвычайное развитіе американской спекуляціи, стремившейся воспользоваться недостаткомъ хлопка для поднятія его цѣны. На Нью-Йоркской хлопковой биржѣ началась настоящая вакханалія: повышатели, съ Сюлли во главѣ, праздновали одну побѣду за другой и цѣны стали быстро подниматься въ гору. Это ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ о средней годичной цѣнѣ американскаго хлопка въ Бременѣ за два четырехлѣтія (въ рубляхъ за пудъ):

189⁶/₇ — 1899/1900 . . . . . 5 р. 68 к.

190⁰/₁ — 1903/1904 . . . . . 8 р. 00 к.

Особенно сильно цѣна хлопка поднялась къ 1904 г., какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ о цѣнѣ хлопка middling лосо въ Нью-Йоркѣ:

20 января 1902 г.	8,45	центовъ
1 июня 1902 г.	9,25	„
2 января 1903 г.	9,00	„
1 июля 1903 г.	13,00	„
4 января 1904 г.	13,20	„
1 февраля 1904 г.	17,25	„

Впрочемъ, повышатели не сумѣли удержаться въ должныхъ границахъ: въ мартѣ 1904 г. наступилъ крахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ цѣна стала падать, а въ январѣ 1905 г. она уже стояла на уровнѣ 7 центовъ.

Описанныя обстоятельства сильно отразились на европейской хлопчатобумажной промышленности, и вопросъ о снабженіи ея хлопкомъ принялъ, поэтому, весьма острый характеръ. Не говоря объ увеличеніи издержекъ производства, въ 1903 г. дѣло получило настолько серьезный оборотъ, что въ важнѣйшихъ хлопчатобумажныхъ центрахъ предприниматели были вынуждены значительно сократить производство. Такъ, въ Манчестерѣ прядильщики въ юнѣ 1903 г. постановили работать только по 4 дня въ недѣлю, и этотъ порядокъ продолжался до октября; подобныя же постановленія принимались и въ разныхъ частяхъ Франціи, а въ декабрѣ 1903 г. англичане пытались даже добиться международнаго постановленія о сокращеніи производства, но потерпѣли неудачу вслѣдствіе сопротивленія Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду въ Европѣ стали подумывать о томъ, какъ бы оградить себя отъ американской спекуляціи и отъ того монопольнаго положенія, какое въ настоящее время въ области снабженія хлопкомъ занимаютъ Соед. Штаты. Для этой цѣли въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ возникаютъ особыя общества. Среди послѣднихъ наиболѣе важное значеніе имѣетъ учрежденное въ Англии въ 1902 г. British Cotton Growing Association, обладающее весьма значительнымъ капиталомъ (почти въ 5 милл. р.). Подобное же общество было учреждено въ 1903 г. во Франціи, подъ названіемъ Association Cottonière Coloniale. Для Германіи слѣдуетъ назвать такъ наз. комитетъ о колониальномъ хозяйствѣ (Kolonialwirtschaftliches Komitee), учрежденный еще въ 1896 г. и значительно расширившій свою дѣятельность въ новомъ столѣтіи. Всѣ эти общества стремятся къ поставлен-

ной цѣли весьма разнообразными путями, но однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ является распространение культуры хлопка на такія мѣстности, въ которыхъ ея еще нѣтъ, но которыя представляютъ для нея достаточно благопріятныя условія. Такія мѣстности имѣются и въ Азій, и въ Африкѣ и въ Америкѣ; онѣ встрѣчаются, напр., въ Месопотаміи, гдѣ культура хлопка можетъ развиваться подъ вліяніемъ багдадской жел. дороги; далѣе, въ нѣкоторыхъ государствахъ южной Америки, какъ, напр., въ Аргентинѣ, Бразиліи, Парагваѣ; наконецъ, онѣ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ великобританскихъ, французскихъ и германскихъ колоніяхъ.

Повышеніе цѣны хлопка повело не только къ учрежденію названныхъ обществъ, но и къ международному объединенію прядильщиковъ, выразившемуся въ учрежденіи федераціи подъ именемъ *Fédération internationale des filateurs de coton et manufacturiers*. Въ нее вошли представители всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи. Федерацией былъ устроенъ рядъ конгрессовъ, изъ которыхъ первый состоялся въ Цюрихѣ въ маѣ 1904 г., а второй въ Манчестерѣ въ началѣ іюля 1905 г. Федерация преслѣдуетъ тѣ же цѣли, какъ и упомянутыя выше общества: защиту интересовъ европейской промышленности отъ притязаній американцевъ и эмансипацію отъ монопольнаго преобладанія Америки на хлопковомъ рынкѣ.

Описанныя только что явленія служатъ темой для нѣсколькихъ изъ названныхъ въ спискѣ книгъ. Сюда относится прежде всего брошюра Томана, изданная Цюрихской торговой палатой. Томанъ беретъ своей исходной точкой мѣры, предлагавшіяся на Цюрихскомъ конгрессѣ для борьбы съ спекуляціей хлопкомъ. Онъ приходитъ къ выводу, что основной причиной подъема цѣнъ хлопка является не спекуляція, но несоотвѣтствіе между ростомъ добычи хлопка и возрастаніемъ производительной способности бумагопрядильнень земного шара. Поэтому, вопреки мнѣнію, поддерживавшемуся нѣкоторыми на конгрессѣ, авторъ высказывается противъ запрещенія сдѣлокъ на срокъ, какъ извѣстно, весьма распространенныхъ въ торговлѣ хлопкомъ, но предлагаетъ ограничиться тѣмъ, чтобы обставить эти сдѣлки нѣкоторыми ограниченіями и подвергнуть ихъ болѣе точной законодательной регламентаціи.

Книжка Этіенна разсматриваетъ главнымъ образомъ вопросъ о необходимости сломить монополію Америки путемъ распространенія культуры хлопка въ новыхъ странахъ. Авторъ анализируетъ этотъ вопросъ преимущественно съ точки зрѣнія интересовъ германскаго народнаго хозяйства. Культура хлопка можетъ быть введена еще во многихъ странахъ (помимо колоній авторъ называетъ Аргентину, Парагвай, Месопотамію и др.), и успѣшное осуществленіе этой задачи было бы важно для Германіи во многихъ отношеніяхъ. Не говоря уже о тѣхъ выгодахъ, которыя это доставило бы хлопчатобумажной промышленности, это принесло бы пользу и германскому сельскому хозяйству, такъ какъ отъ увеличенія въ новыхъ странахъ площади подъ хлопкомъ сократилась бы площадь подъ зерновыми хлѣбами и другими растеніями, конкурирующими съ германскими продуктами. Авторъ иллюстрируетъ свою мысль примѣромъ сахара. Въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ средствъ облегчить послѣдствія сельскохозяйственнаго кризиса въ Германіи явилось расширение культуры свекловицы. Между тѣмъ, благодаря росту всемірной конкуренціи, цѣны сахара сильно упали. Авторъ и указываетъ на Вестъ-Индію, которая еще въ концѣ XVIII в. была главнымъ поставщикомъ хлопка для Европы, но въ которой съ тѣхъ поръ хлопокъ почти совершенно былъ вытѣсненъ сахарнымъ тростникомъ. Возвращеніе Вестъ-Индіи къ культурѣ хлопка сразу устранило бы какъ тотъ кризисъ, который возникъ въ сахарной промышленности вслѣдствіе перепроизводства, такъ и тотъ, который наблюдается въ хлопчатобумажной промышленности вслѣдствіе недостатка въ хлопкѣ. Въ заключеніе укажемъ, что авторъ не вѣритъ въ пользу и значеніе международнаго объединенія въ разсматриваемомъ имъ вопросѣ и находитъ, что каждая страна должна дѣйствовать самостоятельно въ своихъ интересахъ.

Вопросу о вызванномъ дороговизной хлопка кризисѣ въ современной хлопчатобумажной промышленности посвящена и книга Мерэ, какъ видно изъ самаго ея заглавія. Впрочемъ, авторъ видитъ причину кризиса не только въ недостаткѣ хлопка, но—поскольку дѣло идетъ о Франціи, которой онъ посвящаетъ особое вниманіе—и въ несоотѣтствіи между производствомъ и потребленіемъ хлопчатобумажныхъ

издѣлій и въ дурной организаціи торговли ими. Авторъ подробно разсматриваетъ тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для борьбы съ каждымъ изъ этихъ золъ, причемъ попутно даетъ описаніе хлопчатобумажной промышленности Франціи и, въ особенности, одного изъ ея районовъ—вогезскаго, обладающаго 2,3 милл. веретенъ и 56.000 ткацкихъ станковъ. По вопросу о размѣрахъ добычи хлопка въ Соед. Штатахъ авторъ находитъ, что эта добыча едва ли можетъ быть увеличена: съ одной стороны, площадь подъ хлопчатникомъ не можетъ быть сколько нибудь значительно расширена, кромѣ того, уже теперь наблюдается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и, наконецъ, урожайность падаетъ какъ вслѣдствіе истощенія земли, такъ и вслѣдствіе вызваннаго обѣдненіемъ фермеровъ ухудшенія обработки. По этой причинѣ авторъ считаетъ необходимымъ распространеніе культуры хлопка въ новыхъ странахъ, причемъ особенно подробно останавливается на французскихъ колоніяхъ. Любопытно, что и сами американцы предвидятъ возможность, что ихъ монопольному положенію на рынкѣ хлопка наступитъ конецъ. Мерэ приводитъ слѣдующій отзывъ генеральнаго консула Соед. Штатовъ въ Берлинѣ: „Пройдетъ, быть можетъ, рядъ лѣтъ, прежде чѣмъ крестовый походъ европейцевъ въ пользу культуры хлопка въ африканскихъ колоніяхъ не приведетъ вполне къ поставленной цѣли; тѣмъ не менѣе, нравится ли это намъ или нѣтъ, но наступитъ тотъ день, когда хлопокъ южныхъ штатовъ уже болѣе не будетъ неограниченнымъ господиномъ за предѣлами Соед. Штатовъ“.

Мы обозрѣли три книжки европейскаго происхожденія: теперь мы перейдемъ къ книгѣ американцевъ Бэркета и По. Это популярный трактатъ, долженствующій ориентировать рядового фермера среди вопросовъ, связанныхъ съ производствомъ хлопка и торговлей имъ. Здѣсь трактуются въ самой доступной формѣ какъ техническіе, такъ и экономическіе вопросы; чтобы привлечь и заинтересовать читателя, авторы прибѣгаютъ къ разнымъ вычурнымъ заглавіямъ, пересыпаютъ свое изложеніе крикливыми сравненіями, аляповатыми остротами и даже стихами. Къ книгѣ приложена масса привосходныхъ рисунковъ, весьма наглядно изображающихъ отдѣльные моменты въ производствѣ хлопка, торговлѣ имъ и т. д.

Разсмотрѣнныя мною четыре книги, за исключеніемъ работы Мерэ, научнаго значенія не имѣютъ: онѣ либо вызваны вопросами дня, либо представляютъ собой популярную компиляцію. Совершенно противоположное слѣдуетъ сказать о книгѣ Эрнста фонъ-Галле. Последняя представляетъ собой вторую часть капитальнаго сочиненія, первая часть котораго вышла еще въ 1897 г.¹⁾ Первая часть разсматриваетъ исторію свѣ.-американскаго хлопководства до междуособной войны, т. е. до 1861 г., вторая часть—за время съ 1861 по 1880 г.г. Сочиненіе Галле является результатомъ многолѣтняго труда, причемъ авторъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ Америкѣ, гдѣ собралъ громадный матеріалъ и на мѣстѣ ознакомился съ характеромъ американскаго хлопководства. Написанныя на основаніи этихъ подготовительныхъ работъ двѣ части даютъ гораздо больше, чѣмъ можно было бы подуматъ на основаніи заглавія, а именно полную политическую и хозяйственную исторію южныхъ штатовъ американской республики, составленную на основаніи весьма разнообразныхъ источниковъ. Вотъ почему вторая часть, посвященная такому короткому періоду времени, какъ 20 лѣтъ, заключаетъ въ себѣ почти 700 страницъ. Эта часть распадается на три книги: первая заключаетъ подробное описаніе войны, причемъ авторъ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о хозяйственной (въ частности финансовой и денежной) политикѣ южныхъ штатовъ, объ организаци ихъ арміи, о вліяніи войны на хлопководство и на другія отрасли хозяйственной жизни юга, объ отношеніи къ войнѣ иностранныхъ державъ и т. д. Вторая книга посвящена „ликвидаци старой системы“ и останапливается гл. обр. на вопросѣ объ эмансипаци негровъ и ея значеніи. Наконецъ, третья книга посвящена дальнѣйшей исторіи южныхъ штатовъ до 1880 г., и подробно повѣствуетъ о томъ, какъ постепенно залечивались тѣ глубокія раны, которыя были нанесены югу войной. Работа Галле подавляетъ богатствомъ собраннаго въ ней фактическаго матеріала, но тѣмъ не менѣе читается съ интересомъ. Галле предполагаетъ со временемъ выпустить и третью часть, которая дастъ картину новѣйшей

¹⁾ E. von Halle. Baumwollproduktion und Pflanzungswirtschaft in den Nordamerikanischen Südstaaten. Erster Theil. Die Sklavenzeit. Leipzig, 1897 (Staats-und socialwiss. Forschungen, hrsg. von G. Schmoller, Band XV, Heft 1).

исторіи южныхъ штатовъ; однако, онъ хочетъ для этого предварительно выждать опубликованія результатовъ 13-го ценза, имѣющаго быть произведеннымъ въ 1910 г. Выскажемъ пожеланіе, чтобы автору удалось осуществить эту мысль и чтобы третья часть была столь же богата содержаніемъ, какъ первыя двѣ.

Разсмотрѣвъ работы, имѣющія отношеніе къ хлопководству, перейдемъ теперь къ сочиненіямъ по хлопчатобумажной промышленности. Мы рассмотримъ ихъ по отдѣльнымъ странамъ.

Если мы начнемъ съ Англій, то должны будемъ прежде всего назвать обстоятельное изслѣдованіе профессора Манчестерскаго университета Чапмэна о Ланкаширской хлопчатобумажной промышленности. Не задаваясь цѣлью дать исчерпывающее описаніе послѣдней, Чапмэнъ поставилъ своей главной задачей представить и объяснить тѣ типическія формы, которыя въ разное время господствовали въ Ланкаширѣ въ области какъ производства, такъ и торговли и распределенія. Короче говоря, Чапмэнъ хочетъ дать намъ рядъ очерковъ по морфологіи Ланкаширской хлопчатобумажной промышленности. Такая постановка вопроса представляется вполне умѣстной и своевременной. Какъ это ни странно, но, хотя исторія англійской хлопчатобумажной промышленности всегда привлекала къ себѣ преимущественное вниманіе экономистовъ, до сихъ поръ тѣ формы, которыя въ ней господствовали въ эпоху промышленной революціи до окончательнаго утвержденія крупнаго производства, не могутъ считаться выясненными. Правда, что въ наукѣ установилась извѣстная общая схема, которая переходитъ изъ одного учебника въ другой. Но эта схема черезчуръ упрощаетъ ходъ дѣла и, поэтому, должна быть подвергнута пересмотру. Тоже самое слѣдуетъ сказать и по такому вопросу, какъ, напр., вопросъ о вліяніи техническихъ усовершенствованій на положеніе рабочаго населенія. Формула, что вытѣсненіе ручного труда машиннымъ ухудшило положеніе рабочихъ, по отношенію къ англійской хлопчатобумажной промышленности въ первую эпоху промышленной революціи едва ли можетъ быть признана правильной. Въ области ткачества конкуренція механическаго станка стала сказываться, какъ извѣстно, гораздо позднѣ, не ранѣе 1820-хъ г.г. Что же касается пряденія, то

ватерная машина Аркрайта не могла вытѣснить сколько-нибудь значительнаго количества труда, такъ какъ, до ея изобрѣтенія, основы изъ хлопка въ Англіи, какъ и вообще въ Европѣ ¹⁾, вовсе не производили, но пользовались для хлопчатобумажныхъ тканей гл. обр. льняной основой, привозившейся въ Англію преим. изъ Ирландіи и Германіи. Въ пряденіи утка до введенія машинъ Харгривса и Кромптона примѣнялся только женскій и дѣтскій трудъ, который, дѣйствительно, былъ вытѣсненъ мюльной машиной: но зато послѣдняя предъявила значительный спросъ на мужской трудъ. Кромѣ того, если какой-нибудь видъ труда и былъ вытѣсненъ машинами Аркрайта и Кромптона, то это на первыхъ порахъ, несомнѣнно, возмѣщалось значительнымъ расширеніемъ размѣровъ производства. Нельзя, наконецъ, упускать изъ виду, что положеніе рабочаго населенія наканунѣ промышленной революціи фактически было значительно хуже, чѣмъ это часто изображалось.

Повторяю еще разъ: несмотря на кажущуюся разработанность исторіи англійской хлопчатобумажной промышленности, многое изъ того, что считается общепринятымъ, должно быть пересмотрѣно. Изслѣдованіе Чапмэна въ этомъ отношеніи является цѣннымъ вкладомъ. Особый интересъ въ немъ представляютъ первыя пять главъ, въ которыхъ Чапмэнъ изучаетъ тѣ формы, которыя мы встрѣчаемъ въ англійской хлопчатобумажной промышленности наканунѣ промышленной революціи и въ первый ея періодъ. Здѣсь Чапмэнъ показываетъ, напр., что побѣда крупнаго производства надъ мелкимъ даже въ пряденіи совершалась далеко не съ одинаковой быстротой и успѣшностью: если въ ватерномъ пряденіи фабрика сразу замѣнила мелкую домашнюю промышленность съ ручнымъ трудомъ, то въ мюльномъ пряденіи мы еще долго видимъ господство разныхъ промежуточныхъ формъ. Описаніе этихъ формъ, даваемое Чапмэномъ, весьма интересно: къ сожалѣнію, оно иногда отличается нѣкоторой расплывчатостью и не всегда даетъ ясную картину, что вѣроятно объясняется недостаточностью имѣвшихся въ его распоряженіи матеріаловъ. Было бы въ высшей степени желательно,

¹⁾ Впрочемъ, см. объ этомъ ниже ту часть изложенія, которая посвящена книгѣ Кюнцле.

чтобы къ разрѣшенію разсматриваемыхъ здѣсь проблемъ были привлечены новые матеріалы, если они имѣются.

Таково содержаніе первыхъ пяти главъ книги Чапмэна. Глава VI посвящена фабричному законодательству, гл. VII—развитію торговой организаціи, гл. VIII—особенностямъ современной организаціи Ланкаширской промышленности, а послѣднія три главы—отношеніямъ предпринимателей и рабочихъ въ теченіе XIX вѣка. Къ книгѣ приложенъ указатель парламентскихъ изданій и литературы по англійской хлопчатобумажной промышленности.

Какъ извѣстно, однимъ изъ вопросовъ, наиболѣе сильно волновавшихъ англійское общественное мнѣніе за послѣднее время, былъ вопросъ о таможенной политикѣ. Благодаря инициативѣ Чемберлена, главнаго поборника протекціонизма, была учреждена особая комиссія, которая взялась за изученіе современнаго состоянія отдѣльныхъ отраслей англійской промышленности для выясненія степени ихъ потребности въ таможенномъ покровительствѣ. Результаты трудовъ этой комиссіи по отношенію къ хлопчатобумажной промышленности вышли въ 1905 г. отдѣльнымъ томомъ, заглавіе котораго выписано выше. Здѣсь собрано большое количество фактическаго матеріала, отчасти извлеченнаго изъ оффиціальныхъ изданій и литературныхъ источниковъ, отчасти полученныхъ путемъ широкой анкеты, сдѣланной посредствомъ разсылки вопросныхъ листовъ и устнаго опроса. Результаты, къ которымъ приходитъ комиссія, могутъ быть формулированы въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ. Англійская хлопчатобумажная промышленность, взятая въ ея цѣломъ, находится въ стаціонарномъ положеніи, причиной чего является быстрый ростъ хлопчатобумажной промышленности другихъ странъ, подъ вліяніемъ ихъ таможенной политики. Въ частности вывозъ въ страны континента весьма затрудненъ и, поэтому, либо находится въ состояніи застоя, или даже падаетъ. При существующихъ условіяхъ таможеннаго обложенія нельзя рассчитывать на ростъ этого вывоза и въ будущемъ. Единственнымъ средствомъ устранить такое положеніе могло бы послужить для Англій изданіе таможеннаго тарифа: опираясь на послѣдній, Англія могла бы добиться у названныхъ государствъ таможенныхъ уступокъ, что повлекло бы за собой возможность вновь увеличить вы-

возъ хлопчатобумажныхъ издѣлій въ эти страны. И внутренній рынокъ Англіи также не растеть. Иностранная конкуренція на немъ еще пока не сказывается, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ сортовъ готовыхъ издѣлій. Но зато на нейтральныхъ рынкахъ высокое таможенное обложеніе другихъ государствъ даетъ имъ возможность успѣшно конкурировать съ Англіей, причемъ особенно опасны для Англіи тѣ случаи, когда иностранныя государства прибѣгаютъ къ такъ наз. *dumping*, т. е. къ продажѣ за границей по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ дома. Поэтому, если условія останутся неизмѣненными, упадокъ вывоза на нейтральные рынки неизбеженъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличатся издержки производства въ Англіи, такъ какъ съ сокращеніемъ сбыта машины будутъ работать неполное время. Но если нейтральные рынки не могутъ считаться прочными, то зато вывозъ въ колоніи растеть, и притомъ благодаря таможеннымъ льготамъ, оказываемымъ товарамъ англійскаго происхожденія въ сравненіи съ товарами, приходящими изъ другихъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ британскій колоніальный рынокъ способенъ къ безграничному расширенію. Это и слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду: слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы путемъ системы взаимныхъ льготъ въ предѣлахъ Британской Имперіи обезпечить для англійской хлопчатобумажной промышленности возможность значительнаго роста въ будущемъ. На основаніи изложенныхъ соображеній комиссія выработала проектъ таможеннаго тарифа: впрочемъ, согласно этому проекту, какъ хлопокъ, такъ и пряжа и суровыя ткани должны ввозиться беспошлинно, и лишь на остальные ткани и издѣлія хлопчатобумажной промышленности должна быть наложена пошлина, не превышающая 10% ихъ цѣнности.

Агитація Чемберлена не осталась безъ отвѣта со стороны противниковъ протекціонизма. Послѣдніе основали „лигу свободной торговли“, которая, въ частности, учредила особый комитетъ для изученія состоянія англійской хлопчатобумажной промышленности и для провѣрки опубликованныхъ Чемберленовской комиссіей данныхъ. Результатомъ дѣятельности комитета является особый томъ, составленный проф. Чапмэномъ на основаніи собранныхъ комитетомъ матеріаловъ. Чапмэнъ приводитъ подробный анализъ современнаго

состоянія англійской хлопчатобумажной промышленности и условій конкуренціи, въ которыя она поставлена. Выводъ комитета таковъ: При политикѣ свободной торговли англійская хлопчатобумажная промышленность росла непрерывно, въ тоже время давая рабочимъ среднюю заработную плату и доставляя среднюю прибыль на капиталъ. Мало того: она создала крупныя и цвѣтуція вспомогательныя отрасли промышленности. Пока въ Англии свобода торговли будетъ сохранена, англійская хлопчатобумажная промышленность по-прежнему будетъ имѣть превосходство надъ странами съ протекціонистской политикой. Но свобода торговли можетъ повести къ коммерческому успѣху лишь при условіи примѣненія лучшихъ методовъ производства и торговли. Переходъ къ протекціонизму въ какой бы то ни было формѣ нанесъ бы немедленный и безповоротный вредъ англійской хлопчатобумажной промышленности и въ концѣ концовъ разорилъ бы Ланкаширъ. Онъ поставилъ бы на карту вывозъ Англии въ другія государства, давъ въ то же время весьма проблематическія выгоды въ торговлѣ съ колоніями, имѣющей по своимъ размѣрамъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ вывозъ въ другія страны. Такимъ образомъ, свобода торговли, поднявшая Ланкаширъ на современную высоту, и въ будущемъ явится лучшею гарантіей ея дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія.

Мы здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ о третьей книгѣ Чапмэна: хотя она посвящена не только англійской хлопчатобумажной промышленности, но бѣольшая половина ея трактуетъ объ Англии. Эта книга предназначена служить элементарнымъ вводнымъ руководствомъ для лицъ, желающихъ ознакомиться съ хлопчатобумажной промышленностью и связанной съ нею торговлей. Первая глава посвящена хлопку. Слѣдующія три главы трактуютъ о хлопчатобумажной промышленности Англии, причемъ особенное вниманіе обращено на ея организацію въ прошломъ и настоящемъ и на условія конкуренціи ея съ другими странами. Остальныя главы книги посвящены хлопчатобумажной промышленности европейскихъ государствъ, съ одной стороны, и С. Америки, Индіи, Японіи и Китая — съ другой. Что Чапмэнъ хорошій знатокъ ланкаширской промышленности, мы уже видѣли; тѣмъ болѣе удивляетъ скудость его эрудиціи относительно

другихъ европейскихъ странъ: касающіеся послѣднихъ очерки покоятся почти исключительно на двухъ работахъ Шульце-Геверница и на книгѣ Оппеля ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ Сѣв. Америкѣ. Уже въ другомъ мѣстѣ, по поводу книги англичанина Юнга, я имѣлъ случай указать на развитіе хлопчатобумажной промышленности въ Соед. Штатахъ С. Америки и въ частности на быстрый ростъ ея въ южныхъ штатахъ ²⁾. Недавно вышла новая работа по этому вопросу, принадлежащая перу американца Томпсона. Послѣдній, впрочемъ, ставитъ себѣ болѣе узкую цѣль, чѣмъ Юнгъ: онъ специально интересуется только однимъ штатомъ, Сѣверной Каролиной, и изучаетъ промышленный переворотъ, происшедшій въ этомъ штатѣ за послѣднія 10 лѣтъ въ связи съ развитіемъ хлопчатобумажной промышленности. Быстрота, съ которой происходилъ указанный переворотъ, видна изъ слѣдующаго:

	Число веретень.	Число ткацкихъ станковъ.	Вложенный капиталъ въ милл. долл.	Потребленіе хлопка въ книпахъ.
Въ штатѣ Сѣверная Каролина.				
1870 . . .	39900	600	1,0	8500
1880 . . .	92400	1800	2,9	23700
1890 . . .	337800	7300	10,8	107100

Любопытно, что, несмотря на быстрый ростъ крупной промышленности, штатъ попрежнему продолжаетъ носить преимущественно сельско-хозяйственный характеръ: по цензу 1900 г. при населеніи въ 1,9 милл. чел. въ немъ не было ни одного города съ населеніемъ свыше 25.000 чел. и городское населеніе составляло всего только 17,9% всего населенія (противъ 47,1% во всей странѣ). вмѣстѣ съ тѣмъ въ обрабатывающей промышленности было занято лишь 12,1% населенія, противъ 64,1% въ сельскомъ хозяйствѣ (включая

¹⁾ Prof. Dr. A. Oppel, Die Baumwolle nach Geschichte, Anbau, Verbreitung und Handel etc, Leipzig, 1902.

²⁾ См. мою статью „Сѣверо-американская хлопчатобумажная промышленность“ въ „Извѣстіяхъ Сиб. Политехническаго Института“ за 1906 г., томъ VI, стр. 1—32.

рыболовство). Такимъ образомъ штатъ представляетъ собою, какъ неоднократно подчеркиваетъ Томпсонъ — любопытный симбіозъ: мы видимъ быстро растущую и технически весьма совершенную крупную обрабатывающую промышленность на фонѣ довольно примитивнаго и отсталаго сельскаго хозяйства, составляющаго еще главное занятіе населенія. Какъ замѣчаетъ авторъ, этотъ симбіозъ является характерною особенностью всѣхъ странъ, переживающихъ промышленную революцію: такъ было и въ Новой Англии въ эпоху, когда въ ней совершался промышленный переворотъ. Но въ чемъ же причина внезапнаго роста обрабатывающей промышленности въ С. Каролинѣ и какъ этотъ ростъ отразился на населеніи? Авторъ даетъ слѣдующій отвѣтъ на этотъ вопросъ.

До междоусобной войны землевладѣніе въ С. Каролинѣ, несмотря на рабство, носило довольно демократическій характеръ: 69,1% всѣхъ фермъ заключали въ себѣ менѣе 100 акровъ (37 дес.); 28,7% — отъ 100 до 500 акровъ и только 2,2% — больше 500 акровъ, причемъ надо принять во вниманіе экстенсивный характеръ земледѣлія того времени: даже въ 1900 г. только 36,6% земли находилось подъ культурой (стр. 111). Война разорила многихъ мелкихъ фермеровъ, которые изъ землевладѣльцевъ превратились въ арендаторовъ. Лишенные капитала и не привычные къ денежному хозяйству, эти арендаторы впали въ сильную зависимость какъ отъ землевладѣльцевъ, такъ и отъ деревенскихъ торговцевъ-ростовщиковъ. Благодаря упадку цѣны хлопка (особ. въ 1890-хъ г.г., въ срединѣ которыхъ цѣна упала до 5 ц. за фунтъ, т. е. ниже издержекъ производства) положеніе арендаторовъ сдѣлалось еще болѣе прекарнымъ. Вотъ почему многіе изъ нихъ стали бросать землю и сельское хозяйство и цѣлыми семьями стали переселяться на сосѣднія фабрики, отдавая, такимъ образомъ, въ распоряженіе послѣднихъ обширный контингентъ свободныхъ рабочихъ рукъ. Отъ 150.000 до 200.000 чел бросили свои деревенскія жилища, основанныя ихъ предками болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, чтобы переселиться въ города или фабричныя села. Несмотря на низкій уровень заработной платы въ южныхъ штатахъ въ сравненіи съ сѣверными, фабричный заработокъ этихъ недавнихъ земледѣльцевъ выше ихъ прежняго земледѣльческаго заработка,

и, поэтому, они уже никогда больше не возвращаются къ земледѣлію. Правда, что подъемъ цѣнъ на хлопокъ въ 1903—5 г.г., облегчившій положеніе многихъ фермеровъ, повлекъ за собою возвратъ части фабричныхъ рабочихъ къ землѣ, тѣмъ болѣе что онъ одновременно сократилъ работу многихъ фабрикъ. Однако Томпсонъ думаетъ, что этотъ возвратъ носитъ чисто временный характеръ.

Мы указали на тѣ причины, которыя, по мнѣнію Томпсона, отдали въ распоряженіе хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ С. Каролины необходимыя имъ рабочія руки. Но для возникновенія извѣстной отрасли промышленности необходимо еще, чтобы эта отрасль въ данной мѣстности и въ другихъ отношеніяхъ представляла выгоды для капиталистовъ. Эта сторона вопроса разработана у Томпсона гораздо слабѣе: отмѣтимъ только, что и онъ раздѣляетъ мнѣніе Юнга о томъ, что преимущество юга передъ сѣверомъ, говоря вообще, заключалось не въ большей дешевизнѣ хлопка.

Я приведу изъ сочиненія Томпсона нѣсколько чертъ, характеризующихъ современное положеніе хлопчатобумажной промышленности С. Каролины.

Новѣйшія численныя данныя, приводимыя Томпсономъ, относятся къ 1904 г.—къ сожалѣнію, онѣ имѣютъ въ виду не только хлопчатобумажную, но всю текстильную промышленность штата (т. е. также и шерстяную, имѣвшую, впрочемъ, лишь незначительные размѣры). По этимъ даннымъ число прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ составляло 263, съ 2.178.964 веретенами и 48.612 ткацкими станками. Отличительной особенностью фабрикъ являются ихъ сравнительно малые размѣры: самая большая изъ нихъ имѣла 75.000 веретенъ и 2.000 ткацкихъ станковъ, а одна изъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ имѣла всего 820 веретенъ. Въ среднемъ на фабрику приходилось 8.285 веретенъ и 185 станковъ. Часть фабрикъ занимается и пряденіемъ и ткачествомъ, но многія производятъ только пряжу, которую затѣмъ продаютъ ткацкимъ фабрикамъ сѣвера ¹⁾. Оборудование фабрикъ авторъ считаетъ вообще превосходнымъ: оно лучше, чѣмъ на сѣверѣ. Въ частности автоматическій станокъ Норс ропа гораздо болѣе

¹⁾ По словамъ Томпсона, для прядильни въ 8.285 веретенъ требуется отъ 200 до 250 ткацкихъ станковъ, въ зависимости отъ тонины пряжи и тканей (стр. 129).

распространенъ, чѣмъ на сѣвѣрѣ. Воздухъ увлажняется особыми увлажнителями (humidifiers). Тѣ фабрики, которыя обзаводились старыми машинами, соблазвившись ихъ дешевой, прогорали. Производятся большею частію грубыя издѣлія: въ связи съ этимъ, по словамъ автора, почти нѣтъ сельфакторовъ, а есть только кольцовые ватеры ¹⁾. Однако, за послѣднее время наблюдается стремленіе перейти къ болѣе тонкимъ сортамъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы производства пряжи (въ милліонахъ фунтовъ).

	Ниже № 20.	№№ 20—40.	Свыше № 40.	И т о г о.
1890 . .	42,0	3,1	0	45,1
1900 . .	99,0	56,5	0,9	156,4

Въ противоположность другимъ южнымъ штатамъ (Ю. Каролинѣ, Георгіи, Алабамѣ), хлопчатобумажныя фабрики С. Каролины построены большею частію (на 90%) на мѣстные капиталы, причѣмъ акціи этихъ предпріятій широко распространены среди разныхъ слоевъ мѣстной публики. Расположены фабрики б. ч. не въ большихъ городахъ, но либо въ мелкихъ городахъ, либо въ селахъ: это объясняется большей дешевой землей, болѣе низкимъ уровнемъ налогового обложенія и стремленіемъ удалить рабочее населеніе отъ городскихъ соблазновъ. Несмотря на финансовую зависимость отъ комиссіонеровъ, берущихъ на себя продажу издѣлій, новыя предпріятія весьма прибыльны. Томпсонъ оцѣниваетъ среднюю приносимую ими прибыль въ 15%, причѣмъ, въ силу нѣкоторыхъ особыхъ, впрочемъ, чисто временныхъ причинъ (напр., пользованія дешевыми дровами изъ сосѣднихъ лѣсовъ вмѣсто каменнаго угля), мелкія предпріятія давали часто болѣе высокую прибыль, чѣмъ крупныя.

Главы VII — XIII книги посвящены разсмотрѣнію современнаго положенія рабочихъ въ хлопчатобумажной промышленности С. Каролины. Заработная плата ниже, чѣмъ въ сѣверныхъ штатахъ, но она высока по сравненію съ тѣми потребностями, которыя рабочіе принесли съ собою изъ деревни, а равно и съ платой въ другихъ профессіяхъ. Между

¹⁾ См. на стр. 132 сравненіе ватера съ сельфакторомъ.

предпринимателями и рабочими теперь еще господствуют патриархальные отношенія, но постепенно у рабочихъ нарождается классовое самосознаніе. Любопытно, что по предложенію Томпсона часть суммы на веденіе агитаціи среди рабочихъ юга была внесена боящимися конкуренціи юга фабрикантами сѣвера. Дѣтскій трудъ примѣняется на югѣ въ довольно значительныхъ размѣрахъ, хотя и меньшихъ, чѣмъ принято думать. Въ 1902 г. число дѣтей до 12 л. составляло около 2000, работавшихъ гл. обр. въ прядильныхъ отдѣленіяхъ. Ночная работа примѣняется въ широкихъ размѣрахъ. Въ 1903 г. въ штатѣ былъ изданъ законъ, установившій число рабочихъ часовъ на уровнѣ 66 въ недѣлю и запретившій работу до 12-лѣтняго возраста. При этомъ, однако, отсутствуетъ фабричная инспекція. Въ 1905 г. былъ внесенъ законопроектъ объ ограниченіи возраста для дѣвочекъ и для неграмотныхъ мальчиковъ 14-ю годами и о запрещеніи ночной работы дѣтей, но онъ не былъ принятъ. Авторъ надѣется, что этотъ законопроектъ пройдетъ въ 1907 г. Обязательнаго обученія нѣтъ и число неграмотныхъ велико, но въ пользу обязательности обученія ведется агитація. Негритянскій трудъ на фабрикахъ почти не примѣняется, и тѣ немногія попытки основать фабрики съ негритянскимъ трудомъ, которыя до настоящаго времени были сдѣланы, оканчивались по разнымъ причинамъ неудачей.

Авторъ сообщаетъ еще много подробностей изъ жизни штата — я могъ, конечно, передать здѣсь только самое существенное. Если я при этомъ вышелъ за предѣлы размѣра остальныхъ рецензій, то это случилось благодаря интересу темы. Прибавлю еще, что авторъ, по собственному заявленію, провелъ бѣольшую часть своей жизни въ описываемой мѣстности, что онъ посѣтилъ много фабрикъ, знаетъ многихъ людей изъ разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія и уже 10 лѣтъ тому назадъ принялся за свое изслѣдованіе, заинтересованный видомъ безконечнаго числа повозокъ, перевозящихъ скудный домашній скарбъ изъ фермерскихъ избъ къ фабричнымъ трубамъ.

О хлопчатобумажной промышленности Франціи, кромѣ упомянутой уже выше книги Мерэ, трактуетъ въ своей главной части также и работа Пюпена. Впрочемъ, эта довольно поверхностная и безсистемная книжка заключаетъ въ себѣ

и обзоръ хлопководства, а равно и кое-какія данныя о хлопчатобумажной промышленности другихъ странъ.

Если мы перейдемъ къ хлопчатобумажной промышленности Германіи, то должны будемъ прежде всего отмѣтить книгу Лохмюллера. Авторъ въ своей книгѣ не даетъ намъ описанія германской хлопчатобумажной промышленности въ ея географическомъ размѣщеніи и не останавливается на мѣстныхъ, особенностяхъ отдѣльныхъ районовъ. Его съ одной стороны интересуеетъ внѣшняя исторія германской хлопчатобумажной промышленности, преим. въ XIX вѣкѣ, въ связи съ тѣми таможенными мѣропріятіями, которыя на нее вліяли: этой сторонѣ вопроса, разработанной авторомъ гл. обр. на основаніи отчетовъ торговыхъ палатъ, посвящены первыя шесть главъ. Въ главѣ IX Лохмюллеръ даетъ анализъ формъ предпріятія въ германской хлопчатобумажной промышленности по переписямъ предпріятій 1875, 1882 и 1895 гг.: выводъ изъ представленной имъ картины тотъ, что, хотя Германія, съ точки зрѣнія концентраціи, еще сильно отстаетъ отъ Англіи, она въ этомъ отношеніи быстро подвигается впередъ ¹⁾. Въ гл. VII Лохмюллеръ останавливается на хлопковомъ кризисѣ: хотя послѣдній отразился на Германіи съ меньшей силой, чѣмъ на Англіи и Франціи, тѣмъ не менѣе потери, нанесенныя имъ Германіи, по приблизительному расчету опредѣляются въ 60 милл. мар. Авторъ находитъ, что Германія, во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ, должна энергически стремиться къ насажденію собственной культуры хлопка въ своихъ тропическихъ колоніяхъ. Въ главѣ VIII Лохмюллеръ разсматриваетъ положеніе рабочихъ, насколько это возможно при недостаточности относящихся сюда статистическихъ данныхъ, и попытки къ объединенію, имѣвшія до настоящаго времени мѣсто — хотя и безъ особаго успѣха — въ германской хлопчатобумажной промышленности. Въ приложеніи Лохмюллеръ даетъ описаніе организаціи Бременской хлопковой биржи: послѣдняя имѣла весьма важное значеніе для германской хлопчатобумажной промышлен-

¹⁾ По вопросу о степени концентраціи въ англійской и германской текстильной промышленности см. также интересную книжку Dr. G. Brodnitz, Vergleichende Studien über Betriebsstatistik und Betriebsformen der englischen Textilindustrie, Iena, 02.

ности, такъ какъ установила для нея непосредственныя сношенія съ странами происхожденія хлопка.

Отмѣтимъ въ заключеніе двѣ особенности, отличающія и германскую и французскую хлопчатобумажную промышленность отъ англійской и подчеркиваемыя какъ Лохмюллеромъ, такъ и Мерэ и Пюпеномъ: это, съ одной стороны, бóльшая дороговизна оборудованія и болѣе высокій уровень издержекъ производства (см. Мерэ, 39; Пюпэнъ, 56 и сл. и Лохмюллеръ, *passim*), а съ другой, — тенденція къ соединенію пряденія съ ткачествомъ (Мерэ, 34 и Лохмюллеръ, 87). Послѣдняя тенденція, какъ извѣстно, существуетъ и въ Россіи.

Книга Фране посвящена описанію всей текстильной промышленности прусской провинціи Силезіи. Авторъ предпосылаетъ своему изложенію обширное введеніе, въ которомъ даетъ общее описаніе хозяйственной жизни Силезіи. Въ главной части своей книги онъ подробно излагаетъ исторію и современное состояніе отдѣльныхъ отраслей силезскаго текстильнаго производства, причемъ хлопчатобумажной промышленности специально посвящены стр. 150 — 169 и 238 — 244. Впрочемъ, автору приходится говорить о хлопчатобумажной промышленности и въ другихъ отдѣлахъ книги, гл. обр. въ отдѣлѣ о льняной промышленности. Хлопчатобумажная промышленность Силезіи должна считаться довольно скромной по своимъ размѣрамъ: такъ, изъ 7, 9 милл. веретенъ, считавшихся въ Германіи въ 1898 г., на долю Силезіи приходилось всего только около 110.000. Книга Фране носитъ чисто фактическій характеръ.

Книга Шворма написана подъ руководствомъ извѣстнаго статистика проф. Георга фонъ-Майра и носитъ преимущественно статистическій характеръ. Она ставитъ себѣ цѣлью прослѣдить по переписямъ предприятий (*Betriebszählungen*) 1875, 1882 и 1895 гг. тѣ измѣненія, которыя произошли за эти 20 лѣтъ въ текстильной промышленности Баваріи. Промышленныя переписи производились въ Германіи и, въ частности, въ Баваріи и до 1875 г., но, съ одной стороны, онѣ были довольно несовершенны, а, съ другой, данныя ихъ не вполне сравнимы съ данными болѣе позднихъ переписей. Поэтому, авторъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ и начинаетъ свое изслѣдованіе съ 1875 г. Чтобы не слишкомъ

расширять объема своего изслѣдованія, онъ оставляетъ въ сторонѣ и тѣ профессиональныя переписи, которыя, одновременно съ переписями предпріятій, были произведены въ 1875, 1882 и 1895 гг.

Швормъ даетъ намъ детальную разработку статистическихъ данныхъ за указанные годы. Первые три части книги посвящены общему обзору баварской текстильной промышленности, въ 4-ой авторъ останавливается отдѣльно на каждой изъ отраслей ея. Среди послѣднихъ хлопчатобумажная промышленность, которой посвящены гл. обр. стр. 139—159, занимаетъ первое мѣсто, причемъ и абсолютное, и относительное значеніе ея за изучаемый промежутокъ времени все болѣе расло. Изъ общаго числа лицъ, занятыхъ въ баварской текстильной промышленности, на долю хлопчатобумажнаго производства приходилось: въ 1875 г. 32.223 изъ 75.755 чел., а въ 1895 г.—37.970 изъ 75.222 чел. Наряду съ численнымъ ростомъ налюдались и значительныя внутреннія измѣненія, выразившіяся въ ростѣ какъ технической, такъ и географической концентрации. Число мелкихъ предпріятій (съ 1—5 раб.) за 20 лѣтъ упало на 53%, а число крупныхъ (съ болѣе 50 раб.)—увеличилось на 100%. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и социальный составъ занятыхъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ лицъ: число самостоятельныхъ лицъ упало, число несамостоятельныхъ—выросло. Географическая концентрація выражалась въ томъ, что хлопчатобумажное производство все болѣе сосредоточивалось въ немногихъ районахъ, именно въ тѣхъ, въ которыхъ развивалось крупное производство (провинці Oberfranken, Schwaben и Pfalz). Наряду съ указанными измѣненіями авторъ констатируетъ также значительное усовершенствованіе техники.

Таковы тѣ самыя общіе выводы, къ которымъ приходитъ Швормъ по отношенію къ баварской хлопчатобумажной промышленности. Но кромѣ общаго разсмотрѣнія послѣдней Швормъ даетъ также детальный, хотя и нѣсколько слишкомъ тяжеловѣсный анализъ фактовъ, касающихся отдѣльныхъ райновъ Баваріи. Къ книгѣ приложенъ рядъ таблицъ ¹⁾.

¹⁾ Мы хотѣли бы сдѣлать слѣдующее частное замѣчаніе по поводу одного факта, сообщаемого Швормомъ. А именно, по словамъ Шворма (стр. 143), въ баварской провинці Oberpfalz еще въ 1895 г. встрѣчалось

Книга Бредта ставитъ себѣ цѣлью дать описаніе текстильной промышленности города Бармена, лежащаго въ одной изъ самыхъ промышленныхъ мѣстностей Германіи, а именно въ долину р. Вупперъ, расположенной въ Рейнской провинціи (Wupperthal). Текстильная промышленность гор. Бармена заключаетъ въ себѣ 892 предпріятія съ 19.192 рабочими (по даннымъ 1902 г.). Въ прежнее время главною отраслью ея было бѣленіе; со временемъ эта отрасль совершенно упала, но зато на смѣну ея явился цѣлый рядъ другихъ отраслей: красильное производство, производство лентъ, тесьмы, шнуровъ и др. Изготавливаемые въ Барменѣ товары весьма разнообразны, причемъ часть ихъ носитъ массовый характеръ, часть подвержена сильнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ моды. Матеріаломъ служатъ какъ хлопокъ, такъ и шелкъ, шерсть и т. д., причемъ однако, хлопку принадлежить первое мѣсто.

Бредтъ сообщаетъ намъ историческія свѣдѣнія о барменской текстильной промышленности и свѣдѣнія о ея современномъ состояніи. Но главный интересъ его книги заключается въ томъ тонкомъ анализѣ, который онъ даетъ существующимъ въ Барменѣ формамъ предпріятія. Изученіе конкретныхъ явленій хозяйственной жизни подвигается въ настоящее время настолько быстро, что оно постоянно стремится перерастить существующія классификаціи формъ промышленныхъ предпріятій. Въ наибольшей степени это замѣтно по отношенію къ такъ наз. домашней промышленности. Эта форма обнимаетъ весьма разнообразныя явленія, и расчлененіе ея на нѣсколько формъ становится настоятельной необходимостью¹⁾. Существуетъ, напр., большая разница между

ручное бумагопряденіе, причемъ за это дѣло брались механическіе прядильщики, которые, потерявъ работу и не имѣя другихъ навыковъ, становились ручными прядильщиками и вступали въ борьбу съ машиной. Этотъ фактъ представляется мнѣ настолько невѣроятнымъ, что невольно является сомнѣніе, не покоится ли онъ на какомъ нибудь недоразумѣніи.

¹⁾ По этому вопросу см. въ особенности превосходную статью А. Вебера (Alfred Weber, Die Hausindustrie und ihre gesetzliche Regelung, въ Schriften des Vereins für Socialpolitik, томъ 88, Leipzig, 1900, стр. 12—35). На работѣ Вебера также покоится классификація, приводимая въ книгѣ Е. Hornung, Entwicklung und Niedergang der hannoverschen Leinwandindustrie, Hannover, 1905 (VIII + 147), въ особ. стр. 6—9 и 114—118.

двумя домашними промышленниками, изъ которыхъ одинъ работаетъ надъ собственнымъ матеріаломъ и продаетъ свои продукты на открытомъ рынкѣ, а другой обрабатываетъ чужой матеріалъ за сдѣльную плату. Не меньшая разница наблюдается между одинокимъ домашнимъ промышленникомъ, работающимъ у себя на дому, и домашнимъ промышленникомъ, имѣющимъ мастерскую и содержащимъ извѣстное число рабочихъ. Указанное различіе въ формахъ домашней промышленности уже отразилось на германскомъ законодательствѣ, различающемъ между Hausindustrie и Heimarbeit¹⁾.

Бредтъ также не довольствуется существующей классификаціей формъ промышленности. Съ одной стороны и онъ въ сферѣ домашней промышленности различаетъ между Heimarbeiter, подъ которыми онъ разумѣетъ домашнихъ промышленниковъ, работающихъ въ своемъ жилищѣ безъ содѣйствія свойственныхъ мастерскимъ приспособленій или механической силы, и Hausindustrielle, которые работаютъ въ особыхъ мастерскихъ или съ помощью механической силы. Но еще гораздо важнѣе различіе, проводимое Бредтомъ въ области формъ централизованной капиталистической промышленности. Авторъ указываетъ, что и здѣсь, наряду съ предприятиями, перерабатывающими собственный матеріалъ и работающими на продажу, существуютъ и такія, которыя за извѣстную сдѣльную плату перерабатываютъ чужой матеріалъ. Таковы многія барменскія крупныя предприятия, какъ, напр., красильни, имѣющія иногда сотни рабочихъ и въ то же время производящія окраску исключительно только надъ чужимъ матеріаломъ за сдѣльную плату. Авторъ выдѣляетъ эту форму, представляющую полную аналогію съ соотв. формой домашней промышленности, въ особый видъ, который, въ противоположность фабрикѣ, онъ предлагаетъ называть Lohnindustrie²⁾. Такъ какъ описанная форма въ Барменѣ весьма ра-

¹⁾ Koch, Die deutsche Hausindustrie, M. Gladbach, 1905, стр. 8, а также Gertrud Dyhrenfurth, Die hausindustriellen Arbeiterinnen in der Berliner Blusen-, Unterrock-, Schürzen- und Tricotconfection, Leipzig, 1898, стр. 84 (въ Staats- und Socialwiss. Forschungen, hrsg. von G. Schmoller, Band XV, Heft 4).

²⁾ Эту форму различалъ уже Альфонсъ Тунъ (Alphons Thun) въ его извѣстной работѣ Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter (въ Staats- und Socialwiss. Forschungen, hrsg. von G. Schmoller, Band II, Hefte 2 и 3, Leipzig, 1879), а равно и Суэнъ (Dr. Alfred

спространена, Бредтъ внесъ ея названіе даже въ заглавіе своей весьма интересной книги. Прибавимъ въ заключеніе, что работа Бредта написана по инициативѣ и подѣ руководствомъ проф. Готейна.

Книга Вильбрандта посвящена проблемѣ домашняго ткачества въ современной Германіи и тѣхъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты для разрѣшенія этой проблемы. Авторъ подробно описываетъ жизнь ткачей въ германскихъ районахъ домашняго ткачества: онъ самъ объѣздилъ эти районы, и въ большинствѣ случаевъ сообщаетъ тѣ данныя которыя собралъ на мѣстѣ. Къ сожалѣнію, Вильбрандтъ почти вездѣ говоритъ о ткачествѣ вообще, безъ указанія на то, идетъ ли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣчь о ткачествѣ льняномъ, бумажномъ, шелковомъ или другомъ. Описательная часть книги Вильбрандта даетъ потрясающія картины той нужды, которую испытываютъ домашніе ткачи, и свидѣтельствуется, что и теперь еще, 120 лѣтъ послѣ изобрѣтенія механическаго станка, ручное ткачество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страданія занятыхъ въ немъ людей, еще не ушли въ область исторіи. Впрочемъ, какъ показываетъ сравненіе переписей 1882 и 1895 гг., ручное ткачество въ Германіи несомнѣнно падаетъ. Обращаясь къ средствамъ, которыя могли бы помочь ручнымъ ткачамъ, авторъ различаетъ три категоріи

Swaine, Die Arbeits- und Wirtschaftsverhältnisse der Einzelsticker in der Nordostschweiz und Voralberg, Strassburg, 1895, въ Abhandlungen aus dem Staatswiss. Seminar zu Strassburg, Heft 14); но больше всего вниманія посвятилъ ея изученію Лифманъ (Liefmann, Ueber Wesen und Formen des Verlags (der Hausindustrie), Freiburg i. B. 1899, особ. стр. 105—108 (въ Volkswirtschaft. Abhandlungen der badischen Hochschulen, Band III, Heft 1). Лифманъ находитъ, что то, что нѣмцы называютъ Verlag, есть вовсе не форма предпріятія, а лишь мѣновое отношеніе. Въ послѣднее могутъ входить какъ крупныя предпріятія, (Lohnindustrie или Verlagsindustrie), такъ и мелкія (Hausindustrie или Verlagshandwerk); оно можетъ встрѣчаться и при отсутствіи особаго предпріятія (betriebslose Verlagsproduktion). О Lohnindustrie см. также Elisabeth Gottheiner, Studien über die Wuppertaler Textilindustrie und ihre Arbeiter in den letzten 20 Jahren, Leipzig, 1903 (въ Staats- und Socialwiss. Forschungen, hrsg. von G. Schmoller und Max Sering, Band XXII, Heft 2). Г-жа Готтейнеръ, посвятившая свою работу также текстильной промышленности долины р. Вупперъ, называетъ разсматриваемую нами здѣсь форму промышленности Lohnfabrik.

такихъ средствъ. Первымъ средствомъ является устраненіе капиталистовъ-посредниковъ и организація сбыта: но эта мѣра можетъ помочь лишь небольшому числу ткачей и, по-этому, не можетъ дать сколько-нибудь существенныхъ результатовъ. Вторымъ средствомъ является снабженіе мелкихъ домашнихъ ткачей механической силой. Авторъ описываетъ весьма успѣшную попытку примѣненія электрической силы къ мелкой ткацкой промышленности въ мѣстечкѣ Анратъ (Anrath) около Крефельда, попытку, особенно интересную потому, что она связана съ нормировкой рабочаго дня и заработной платы. Однако, и по отношенію къ этому средству авторъ думаетъ, что оно можетъ оказаться дѣйствительнымъ только при наличности исключительно благопріятныхъ условій; слабая сторона его заключается въ томъ, что оно не устраняетъ основного зла домашней промышленности: социальной зависимости и слабости домашнихъ работниковъ... Если въ Анратѣ введена нормировка рабочаго времени и заработной платы, то это объясняется превосходной организаціей живущихъ тамъ ткачей; между тѣмъ, по справедливому мнѣнію Вильбрандта, „домашніе ткачи вообще неспособны къ организаціи; для нихъ свободное соглашеніе должно быть замѣнено вмѣшательствомъ государства“¹⁾. Наконецъ, третьимъ средствомъ является переходъ отъ домашней промышленности къ фабрикѣ. Между тѣмъ и это средство далеко не является панацеей. Дѣло въ томъ, что фабричное ткачество почти не нуждается въ мужскомъ трудѣ и является областью весьма выгоднаго для предпринимателей примѣненія женскаго труда. Поэтому, мужская заработная плата въ фабричномъ ткачествѣ гораздо ниже, чѣмъ, напр., въ каменноугольной и желѣзодѣлательной промышленности, нуждающихся въ мужскомъ трудѣ. И это наблюдается не только въ Германіи, но и въ Англии. Авторъ справедливо опровергаетъ

¹⁾ Объ упомянутой въ текстѣ попыткѣ мѣст. Анратъ см. также интересную книгу Heinrich Brauns, *Der Uebergang von der Handweberei in der niederrheinischen Samt- und Seidenindustrie und die Lage der Arbeiter in dieser Periode*. Leipzig, 1906, стр. 130—140) въ *Staats- und Socialwiss. Forschungen*, hrsg. von G. Schmoller und M. Sering, Band XXV, Heft 4). Авторъ этой книги также скептически смотритъ на будущность механическаго домашняго ткачества. См. также G. Zoerfl, *Nationaloekonomie der technischen Betriebskraft*, Buch I, Jena, 1903, стр. 201 и сл.

ту оптимистическую картину благоденствія въ ланкаширской бумаготкацкой промышленности, которую даетъ Шульце-Геверницъ, и убѣдительно доказываетъ, что широкое примѣненіе женскаго труда въ ланкаширскомъ бумажномъ ткачествѣ далеко не носитъ того безобиднаго характера, который Шульце-Геверницъ ему придаетъ. И тѣмъ не менѣе, Вильбрандтъ думаетъ, что фабрика является единственнымъ выходомъ и что домашнее ткачество никакой будущности не имѣетъ. Поэтому, онъ, слѣдуя Альфреду Веберу ¹⁾, рекомендуетъ проведеніе желѣзнодорожныхъ линій въ тѣ захолустья, въ которыхъ домашнее ткачество больше всего еще сохранилось. Какъ показываетъ опытъ, вслѣдъ за желѣзными дорогами появляются и ткацкія фабрики. Но эти фабрики поглощаютъ преимущественно женскій трудъ. Для того чтобы и мужчины нашли работу, необходимо, чтобы, одновременно съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, правительство по возможности покровительствовало основанію въ мѣстностяхъ съ ручнымъ ткачествомъ кожевенныхъ, машиностроительныхъ и иныхъ заводовъ и фабрикъ, которыя нуждаются преим. въ мужскомъ трудѣ и, такимъ образомъ, могли бы противодѣйствовать понижающему вліянію ткацкихъ фабрикъ на мужской заработокъ ²⁾. Наряду съ этими мѣрами должны быть приняты мѣры для облегченія участи тѣхъ, которые уже заняты въ домашнемъ ткачествѣ и которымъ трудно бросить свою профессію. Главнымъ средствомъ здѣсь могутъ служить заказы правительственныхъ учрежденій (напр. военнаго вѣдомства) по цѣнамъ хотя бы и превышающимъ рыночныя цѣны. По мѣрѣ вымиранія ручного ткачества издержки, связанныя съ такими заказами, постепенно сокращались бы.

Хотя книга Вильбрандта касается не только бумаготкацкаго производства, мы все же нашли необходимымъ столь подробно изложить ея содержаніе, такъ какъ по переписи

¹⁾ См. цитированную выше статью его, стр. 32.

²⁾ Мнѣніе Вильбрандта по этому вопросу изложено также въ его рѣчи, произнесенной на первомъ конгрессѣ по вопросамъ домашней промышленности (см. Protokoll der Verhandlungen des ersten allgemeinen Heimarbeiterschutzkongresses, abgehalten zu Berlin im Gewerkschaftshaus am 7, 8 und 9 März 1904, Berlin, 1904, стр. 110—111). См. также Heinrich Koch, Die deutsche Hausindustrie, M.-Gladbach, 1905, стр. 61—62.

1895 года изъ 147.000 лицъ, занятыхъ въ германскомъ бумажномъ ткацествѣ, еще 33.000 были заняты въ домашней промышленности.

Книжка Клейна является диссертацией, представленной въ Страсбургскій университетъ для полученія степени доктора (у проф. Кнаппа). Она ставитъ себѣ цѣлью описать хлопчатобумажную промышленность небольшого района, расположеннаго въ Нижнемъ Эльзасѣ. Какъ извѣстно, Эльзасъ является важнѣйшимъ центромъ хлопчатобумажной промышленности Германіи. Но это значеніе принадлежитъ гл. обр. Верхнему Эльзасу, съ городомъ Мюльгаузенемъ какъ центральнымъ пунктомъ. Гораздо меньшее значеніе имѣетъ хлопчатобумажная промышленность Нижняго Эльзаса, занимающая всего только ок. 7.000 рабочихъ. Цѣлью автора является описать хлопчатобумажную промышленность части этого района, а именно небольшой долины рѣки Брейшъ (Breusch), насчитывающей 28 хлопчатобумажныхъ фабрикъ съ 4.000 рабочихъ. Авторъ излагаетъ намъ какъ исторію, такъ и современное состояніе этого района, хорошо ему знакомаго, такъ какъ онъ состоитъ въ немъ священникомъ. Описаніе составлено добросовѣстно, но блѣдно и малосодержательно.

Книга Грейфа описываетъ положеніе вязальной промышленности въ саксонскомъ городѣ Лимбахѣ и его окрестностяхъ. Авторъ даетъ историческій очеркъ этой промышленности и подробно останавливается на ея современномъ состояніи. Лимбахская промышленность обнаруживаетъ большое разнообразіе формъ, начиная фабрикой и кончая мелкими одиночными предприятиями; поэтому, особый интересъ представляетъ та часть второй главы, въ которой дается характеристика этихъ формъ, причемъ Грейфъ въ основу этой характеристики кладетъ классификацію своего учителя Лифмана, о взглядахъ котораго рѣчь шла выше (см. стр. 216 прим. 2). Въ главѣ III авторъ останавливается на условіяхъ сбыта Лимбахской промышленности: значительная часть издѣлій ея идетъ за границу, особенно въ Сѣв. Америку, несмотря на большія затрудненія, вызываемыя высокими ставками американскаго тарифа 1897 г. (такъ наз. Dingley tariff) и суровостью американской таможенно-административной практики. Въ книгѣ Грейфа можно найти также подробное описаніе техники вязальной промышленности, а равно и нѣко-

торыя (правда, скудныя, за недостаткомъ источниковъ) свѣдѣнія о положеніи рабочаго населенія Лимбаха. По отношенію къ будущему авторъ высказываетъ предположеніе, что домашняя промышленность, несмотря на тенденцію къ развитію фабричнаго производства, еще долго продержится въ Лимбахской вязальной промышленности.

Книга Биллера посвящена льняной промышленности въ части прусской провинціи Вестфаліи, но автору попутно часто приходится говорить и о хлопчатобумажной промышленности, почему мы эту книгу здѣсь и упоминаемъ. Авторъ между прочимъ прослѣживаетъ, какъ вымираніе мелкой льняной промышленности сопровождалось въ Вестфаліи ростомъ крупнаго хлопчатобумажнаго производства.

Говоря о Германіи, мы должны еще упомянуть о книгѣ Хейса и Коппеля. Зимой 1905—6 г. въ Берлинѣ была устроена весьма интересная выставка издѣлій домашней промышленности, которая бросила яркій свѣтъ на положеніе занятыхъ въ этой промышленности лицъ и возбудила широкое общественное вниманіе. На этой выставкѣ относительно каждаго выставленнаго предмета былъ приведенъ рядъ свѣдѣній, касающихся заработной платы за выдѣлку этого предмета, числа необходимыхъ для производства послѣдняго рабочихъ часовъ, возраста и пола рабочаго, часового и недѣльнаго заработка послѣдняго и т. д. Книга Хейса и Коппеля составлена на основаніи вопросныхъ бланковъ, разосланныхъ по поводу выставки, и въ табличной формѣ сообщаетъ всѣ перечисленныя выше свѣдѣнія по отношенію къ отдѣльнымъ отраслямъ германской домашней промышленности. Мы упоминаемъ о книгѣ потому, что нѣкоторыя изъ таблицъ посвящены домашней промышленности въ текстильномъ производствѣ.

Интересная книжка Кюнцле излагаетъ исторію цюрихской хлопчатобумажной промышленности съ ея возникновенія и до появленія фабричнаго производства, т. е. до 1830-хъ гг. Хлопчатобумажная промышленность возникла въ Швейцаріи, какъ извѣстно, уже весьма рано. По словамъ Кюнцле, она существовала въ Цюрихѣ уже въ XV в. Къ концу XVIII в. она была настолько развита, что по обследованію, произведенному въ 1787 г. въ кантонѣ Цюрихъ, число бумагопрядильщиковъ составляло 34.075, а число ткац-

кихъ станковъ—6479. Авторъ старательно изучаетъ тѣ формы, которыя бумагопряденіе и бумаготкачество принимали въ изучаемую имъ эпоху. Этими формами служили отчасти ремесло, но главн. образ. домашняя промышленность. Первая прядильная машина появилась въ Цюрихѣ въ 1801 г., и съ тѣхъ поръ домашняя промышленность въ пряденіи начинаетъ вытѣсняться фабрикой. Въ ткацествѣ эта перемѣна наступила позднѣе: первая фабрика съ механическими станками появилась лишь въ 1832 г. Ситценабивной промышленности у автора посвященъ особый отдѣлъ. Книга Кюнцле, несмотря на небольшой размѣръ и узость темы, представляется намъ довольно цѣнной, такъ какъ заключаетъ въ себѣ интересные факты по исторіи—и притомъ не только швейцарской, но и вообще среднеевропейской—хлопчатобумажной промышленности въ эпоху до промышленной революціи. Въ качествѣ источниковъ авторъ пользовался не только литературными данными, но и архивными матеріалами. Укажемъ въ заключеніе на интересный фактъ, сообщаемый авторомъ: тогда какъ въ Англіи научились производить основу изъ хлопка только со времени изобрѣтенія ватерной машины Аркрайта (см. объ этомъ Шульце-Геверницъ. Крупное производство, русскій переводъ, Спб., 1897, стр. 28), въ Швейцаріи такая основа, а равно и чисто-хлопковые ткани, выдѣлывались уже въ концѣ XV в.

Въ книгѣ Герца описывается положеніе домашнихъ (въ частности и хлопчатобумажныхъ) ткачей въ Моравіи. Авторъ останавливается на формахъ, которыя наблюдаются въ моравскомъ домашнемъ ткацествѣ, и даетъ описаніе матеріальнаго положенія ткачей. Послѣднее должно быть признано весьма бѣдственнымъ и печальнымъ: какъ показываетъ сдѣланное авторомъ сравнительное изученіе бюджетовъ, оно значительно хуже, чѣмъ положеніе фабричныхъ ткачей въ той же мѣстности. Средство борьбы съ этимъ зломъ Герцъ видитъ въ организациі государственнаго посредничества по приисканію труда, для того чтобы ткачи могли перейти въ другія отрасли производства и чтобы этотъ переходъ совершался не стихійно, но, по возможности, планомѣрно. Всѣ другія средства (правительственные заказы, покровительство новымъ отраслямъ труда въ мѣстностяхъ съ домашнимъ ткацествомъ, ассоціациі ткачей) авторъ считаетъ

не могущими дать сколько-нибудь успешныхъ результатовъ.

Разсмотримъ теперь сочиненія о русской хлопчатобумажной промышленности.

Книга Леонтьева заключаетъ въ себѣ съ одной стороны описаніе историческаго развитія хлопчатобумажной промышленности петербургскаго района, а равно и описаніе историческаго развитія и современнаго состоянія русскаго фабричнаго законодательства и рабочаго движенія на петербургскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ. Въ отношеніи этихъ вопросовъ авторъ не даетъ ничего новаго и только сводитъ результаты работъ своихъ предшественниковъ, гл. обр. Туганъ - Барановскаго. Въ другой части своего труда Леонтьевъ даетъ подробное описаніе современнаго состоянія петербургской хлопчатобумажной промышленности. Это описаніе сдѣлано отчасти на основаніи личнаго знакомства въ петербургскими фабриками, пріобрѣтеннаго путемъ ихъ посѣщенія и т. д., но гл. обр. оно покоится на результатахъ профессионально-хозяйственной переписи, произведенной Петербургской фабричной инспекціей въ 1900—1902 гг. Авторъ воспользовался результатами этой переписи для 13 фабрикъ съ 11.285 рабочими, т. е. прибл. для половины рабочаго населенія петербургскаго хлопчатобумажнаго района (28 фабрикъ съ 24.557 рабочими). Въ этой части своей работы Леонтьевъ послѣдовательно разсматриваетъ составъ рабочаго населенія по полу, возрасту, сословію, грамотности, семейному положенію, далѣе, приводитъ свѣдѣнія о заработной платѣ, рабочемъ днѣ и сверхурочныхъ часахъ, о несчастныхъ случаяхъ и рабочихъ жилищахъ. Весьма интересныя фактическія свѣдѣнія онъ сообщаетъ также и о происхожденіи рабочихъ по губерніямъ.

При почти полномъ отсутствіи въ литературѣ подобныхъ монографическихъ описаній отдѣльныхъ районовъ нашей промышленности, нельзя не быть благодарными петербургской фабричной инспекціи за интересный матеріалъ, собранный ею и разработанный г. Леонтьевымъ.

Книга Гаммершмидта, какъ видно изъ ея предисловія, представляетъ собой первую часть болѣе обширной работы, задуманной авторомъ о русской хлопчатобумажной промышленности. Настоящая первая часть изучаетъ исторію рус-

ской хлопчатобумажной промышленности съ ея возникновенія и вплоть до крестьянской реформы. По словамъ Гаммершмидта, его главн. обр. интересовалъ вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходили въ организациі (Verfassung) промышленности: другіе вопросы, какъ о вліяніи торговой политики и о положеніи рабочихъ, онъ разсматривалъ только для того, чтобы съ помощью относящихся къ нимъ данныхъ ярче выдвинуть существовавшія въ данную эпоху формы организациі. Однако, книга не оставляетъ впечатлѣнія, чтобы на первый планъ въ ней именно были выдвинуты вопросы морфологическіе: я сказалъ бы, наоборотъ, что по этимъ вопросамъ Гаммершмидтъ ничего новаго, въ сравненіи съ Туганъ-Барановскимъ, не далъ и что у Туганъ-Барановскаго организациа хлопчатобумажной промышленности въ дореформенной Россіи описана даже подробнѣе и обстоятельнѣе. Напротивъ того, по фактической исторіи русской хлопчатобумажной промышленности—а въ этой области Туганъ-Барановскій не ставилъ себѣ цѣлью дать исчерпывающее изслѣдованіе—мы находимъ у Гаммершмидта болѣе полное изложеніе, заключающее въ себѣ рядъ интересныхъ и еще мало извѣстныхъ деталей (напр., по таможенной исторіи). Послѣднее обстоятельство составляетъ главное достоинство книги. Прибавимъ къ сказанному, что Гаммершмидтъ знакомъ съ русскимъ языкомъ и работалъ между прочимъ въ с.-петербургской публичной библиотекѣ.

Книга Гаммершмидта дѣлится на три части. Въ первой заключается общій обзоръ естественныхъ, хозяйственныхъ и социальныхъ условій Россіи и описаніе тѣхъ трехъ формъ, въ которыя облекалась дореформенная русская фабрика. Этотъ отдѣлъ наименѣе интересенъ: многое въ немъ знакомо вѣроятно даже и нѣмецкому читателю, а кое-что не имѣетъ прямого отношенія къ хлопчатобумажной промышленности, какъ, напр., вопросъ о происхожденіи крѣпостного права, который, къ тому же, авторъ трактуетъ по устарѣвшей книгѣ Энгельмана, оставляя неиспользованными работы Ключевскаго и Дьяконова. Иногда встрѣчаются у автора и ошибки: такъ, на стр. 7 онъ сообщаетъ, что подушная подать смѣнила поземельный налогъ, на стр. 15 онъ относитъ Смоленскую губ. къ черноземнымъ губерніямъ. Вторая и

третья часть рассматриваютъ исторію русской хлопчатобумажной промышленности до 1800 г. и съ 1800 по 1861 гг. Эти части наиболѣе интересны: онѣ составлены съ нѣмецкою обстоятельностью и, какъ указано выше, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя историческія детали, мало извѣстныя до настоящаго времени. Къ книгѣ приложенъ указатель литературы.

Книга Вейса носитъ по преимуществу техническій характеръ. Какъ показываетъ уже ея заглавіе, она посвящена всей текстильной промышленности, и, поэтому, кромѣ хлопчатобумажнаго производства, въ ней рассматриваются и другіе виды обработки волоконъ. Если мы объ этой книгѣ здѣсь вкратцѣ упоминаемъ, то только потому, что наряду съ техникой авторъ посвящаетъ часть своего изложенія и той торговой организаціи, которая существуетъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ текстильнаго производства.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о вышедшемъ въ 1906 г. 27-мъ выпускѣ „Календаря по хлопчатобумажной промышленности“, издаваемаго въ Лейпцигѣ. Этотъ календарь сообщаетъ по преимуществу свѣдѣнія технического характера; но въ немъ заключаются и кое-какія справочныя и статистическія свѣдѣнія по вопросамъ экономическимъ, какъ-то по хлопководству въ разныхъ странахъ (въ частности въ германскихъ колоніяхъ), по статистикѣ веретенъ и ткацкихъ станковъ, по торговлѣ хлопкомъ и т. д. Впрочемъ, эти свѣдѣнія не отличаются большимъ богатствомъ, и слѣдовало бы пожелать, чтобы издатели календаря въ послѣдующихъ выпускахъ его на эту часть своей задачи обратили большее вниманіе.

Новая литература по экономіи страхованія.

Вл. Идельсона.

1. Insurance. A Text-Book. Compiled by William Fricke. 1092 p. s. l. 1898.
2. Yale Insurance Lectures 2 vls. 245 + 357 p. s. l. 1903—1904.
3. Insurance. A series of papers on Life, Fire, Marine, Accident Insurance read before the Wharton School of Finance and Commerce of the University of Pennsylvania during the Academic Year 1904—1905. Philadelphia 1905. 404 p.
4. Wilson. The business of Insurance. 171 p. London. 1904.
5. Manes. Versicherungswesen. 468 p. Leipzig. 1905.
6. Moldenhauer. Das Versicherungswesen. 149 p. Leipzig 1905.
7. Young and Masters. Insurance office organisation, management and Accounts. 146 p. London 1904.
8. Young. Insurance. A practical exposition for the Student and business man. London 1906 (2^d Ed.) 386 p.
9. Berichte, Denkschriften und Verhandlungen des Fünften Internationalen Kongresses für Versicherungs-Wissenschaft zu Berlin vom 10. bis 15. September 1906. 3 Bde.

Первыя восемь изъ приведенныхъ книгъ предназначены служить руководствомъ для изученія экономіи страхованія или—вѣрнѣе—для изученія страхового дѣла. Помимо практиковъ, желающихъ выяснитъ себѣ общіе принципы страхованія и функціи его,—цѣлый рядъ лицъ, желающихъ посвятить себя страховой профессіи, ощутилъ нужду въ подготовкѣ къ избираемой дѣятельности.

Наиболѣе естественнымъ было обратиться прежде всего къ страховымъ практикамъ и просить ихъ подѣлиться своими свѣдѣніями и опытомъ. Книга Fricke (1), Yale Lectures (2) и Insurance (3) представляютъ собой сборники лекцій, про-

читанныхъ страховыми дѣятелями для чиновниковъ или студентовъ университета. Общее впечатлѣніе отъ этихъ цикловъ лекцій трудно формулировать. На ряду съ прекраснымъ, содержательнымъ докладомъ (напр. „Marine Insurance“ въ № 3) мы находимъ блѣдныя и общія разсужденія (напр., „Marine Insurance“ въ Yale Lectures) или рядъ отрывочныхъ замѣчаній практика о какомъ-либо вопросѣ (ср. „Insurance Law“ въ Yale Lectures). Должно также отмѣтить отсутствіе какой-либо общей, научной точки зрѣнія у авторовъ и ихъ подчасъ узкій *Interessenstandpunkt*. Тому, кто знакомъ съ теоріей страхового дѣла, эти лекціи могутъ быть весьма полезны, но педагогическое значеніе ихъ для начинающихъ, по нашему мнѣнію, не велико. Несистематичность, случайный характеръ матеріала — вотъ ихъ недостатки.

Межъ тѣмъ, нужда въ изученіи страхованія какъ хозяйственнаго явленія велика. Въ наше время, по утвержденію специалистовъ, нетрудно познакомиться съ математико-систематическими основами страхованія ¹⁾. Страховое право разрабатывается почти четыре вѣка и можетъ быть усвоено юристомъ безъ особаго труда. Но изложеніе хозяйственныхъ принциповъ страхованія, системъ его, его организациі лишь недавно стало входить въ экономическую науку.

Въ Schönberg's Handbuch der politischen Oekonomie Ag. Вагнеръ сдѣлалъ попытку въ главѣ „Versicherungswesen“ дать общій обзоръ интересующихъ насъ проблемъ. Но Вагнера интересуеетъ преимущественно соціально-политическая сторона вопроса и связанная съ ней литературная контроверза. Механизмъ и принципы страхового дѣла у него не выяснены. Вагнеру не хватаетъ той связи съ практикой страхового дѣла, которой такъ справедливо требуетъ извѣстный авторитетъ страхового права—Ehrenberg ²⁾.

Первую попытку дать изложеніе страхового дѣла въ теоретическомъ освѣщеніи и въ стройной системѣ сдѣлали братья Brämer (Das Versicherungswesen, Leipzig 1894). Будучи практиками, Brämer особенно хорошо освѣтили знакомую имъ область страхованія отъ огня и недостаточно рельефно

¹⁾ Pietsch Unterricht in Versicherungsmathematik (Veröffentlichungen des Deutschen Vereins für Versicherungswissenschaft, Heft III, p. 17. Berlin. 1904).

²⁾ Ehrenberg (ibid., p. 56).

изложили другія отрасли страхованія. Точно также ихъ книгу нельзя упрекнуть въ избыткѣ систематичности, въ надлежащемъ историко-теоретическомъ изученіи страхованія.

Гораздо интереснѣе и цѣннѣе книга Manes'a (№ 5). Выяснивъ общія основы страхованія и обрисовавъ эволюцію его, авторъ излагаетъ организацію, технику и „политику“ страхованія. Затѣмъ, посвятивъ отдѣльную главу „страховой наукѣ“ (Versicherungswissenschaft), Manes переходитъ къ отдѣльнымъ видамъ страхованія и рассказываетъ ихъ исторію и специфическую организацію. Несомнѣнно, эта книга представляетъ собой гораздо лучшій учебникъ, чѣмъ вышеназванный, но Manes'у должно поставить въ упрекъ недостаточную обработку матеріала и неполноту изложенія. Намъ неясно, на примѣръ, зачѣмъ приводитъ въ курсѣ экономіи страхованія полисныя условія по страхованію грузовъ, перевозимыхъ моремъ, на десяти страницахъ мелкаго шрифта; не видимъ мы также надобности въ перепечаткѣ in extenso полисовъ по огню (7 страницъ петита), и т. д. Съ другой стороны, при изложеніи, на примѣръ, техники морского страхованія, Manes не останавливается на столь существенныхъ вопросахъ, какъ классификація судовъ для страхованія каско, не упоминаетъ о вліяніи техники кораблестроенія на развитіе данной отрасли страхового дѣла. Засимъ, изложеніе столь запутаннаго вопроса, какъ надзоръ за дѣятельностью страховыхъ обществъ, занимаетъ у Manes'a какихъ-нибудь 20 страницъ, причемъ цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ (на примѣръ, отчетность страховыхъ обществъ) лишь затронуть мимоходомъ.

Заслуга Manes'a тѣмъ не менѣе велика: онъ далъ впервые книгу по экономіи страхованія во всемъ его объемѣ и тѣмъ облегчилъ дальнѣйшую работу изслѣдователей. Его работа можетъ служить хорошимъ пособіемъ для интересующихся страховымъ дѣломъ. Для общаго же ознакомленія со страхованіемъ весьма полезна книжка Moldenhauer'a, гдѣ ясно и безпретензионно изложены основныя проблемы страхованія.

Не касаясь общихъ вопросовъ о хозяйственныхъ функціяхъ страхованія и принциповъ организаціи его, книга Young'a (8) даетъ превосходное изложеніе началъ страховой математики, организаціи страхового дѣла и наиболѣе суще-

ственныхъ нормъ страхового права. Книга эта, принятая въ число учебниковъ (Textbooks) университета Yale, даетъ общую картину страхованія, но, по нашему мнѣнію, не вполне пригодна для студента. Смѣшеніе въ одной книгѣ математики, экономіи и права дѣлается на счетъ ясности и полноты изложенія, и Young, весьма интересный для лицъ, знакомыхъ съ страхованіемъ, будетъ мало доступенъ студенту. Помимо этого, для Young'a не существуетъ страхованія внѣ англо-американскаго міра, и все что происходитъ на континентѣ Европы, все новѣйшее законодательство ея—для него книга за семью печатями. А въ страховомъ дѣлѣ, вырывающемся изъ границъ отдѣльныхъ государствъ на международный рынокъ, особенно важно сравнительное изученіе вопросовъ.

Изъ книги Young и Masters (7) мы узнаемъ о строеніи и бухгалтеріи страхового общества. И здѣсь авторы не выходятъ изъ англо-американскихъ условій, но ихъ изложеніе имѣетъ большое значеніе, такъ какъ столь важные для законодателя вопросы страховой бухгалтеріи весьма мало разработаны по сіе время ¹⁾. Менѣе интересны совѣты авторовъ относительно способовъ обращенія директоровъ со служащими, о наградахъ имъ и т. п. Ничего специфическаго для страхового дѣла въ этихъ совѣтахъ не найти, а общія разсужденія въ специальной работѣ не должны разрастаться выше мѣры и сдобриваться цитатами изъ Теннисона, Кольриджа, Арнольда, Попа и другихъ авторовъ, очевидно не имѣвшихъ въ виду страхового дѣла при твореніи своихъ поэмъ ²⁾.

Во всякомъ случаѣ всѣ названныя книги весьма полезны для ознакомленія со страхованіемъ. Каковы бы ни были ихъ недостатки, онѣ все же далеко превосходятъ прежнія руководства въ родѣ Cours d'Assurances редактора одного спе-

¹⁾ Ср. Schiller Beitrage zur Buchhaltung im Versicherungswesen, 1898. Simon Die Bilanz der Aktiengesellschaften, 3. Aufl. 1899. Reisch u. Kreibig Bilanz u. Steuer. 2 Bdl, 1900. Pehm Bilanzen etc. 1903. Cfr. Idelson Beitrage zur Frage der Besteuerung der Versicherung etc Berlin 1905, p. 24 ff.

²⁾ Ср. Young The Education and Duties of an Insurance Expert (Transactions of the Insurance and Actuarial Society of Glasgow, Fourth Series, № 16, London, 1900), p. 383, 387, 389, 393.

ціального журналя—*Намон'а*, именующаго себя *Professeur d'Assurances*. Мы видимъ попытки систематизировать и освѣтить технику страхованія и выяснитъ основныя проблемы его. Не вполнѣ опредѣлены задачи изложенія и предѣлы изслѣдованія. Наука политической экономіи и практическія потребности должны будутъ сказать здѣсь рѣшающее слово. Во всякомъ случаѣ, успѣхи изслѣдованія въ отдѣльныхъ областяхъ страхованія, развитіе страхового законодательства и созданіе международныхъ и національныхъ ассоціацій для изученія страхового дѣла, — все это значительно упрощаетъ и облегчаетъ задачи изслѣдователя ¹⁾: не только собирается воедино разбросанный матеріаль (сборники полисовъ и др. документовъ), но и выясняется въ дебатахъ и однородныхъ докладахъ многое, недоступное единичному работнику (напр., международное положеніе вопроса объ участіи страхователей въ прибыляхъ).

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ преподаваніе страховыхъ знаній ²⁾ не представляетъ особыхъ затрудненій. И дѣйствительно страховая математика и страховое право уже довольно давно вошли въ кругъ дисциплинъ, преподаваемыхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вопросъ въ томъ, какъ организовать преподаваніе экономіи и техники страхованія, и какъ скомбинировать отдѣльные курсы въ стройный циклъ страховыхъ знаній.

На постановкѣ преподаванія страхового дѣла мы не можемъ останавливаться ³⁾. Но рецензируемыя книги ставятъ

¹⁾ Ср. въ названныхъ очеркахъ V конгресса рефераты объ успѣхахъ статистики смертности (12 референтовъ), объ обложеніи страхованія въ разныхъ странахъ (10 референтовъ), о страхованіи женщинъ, о предѣлахъ страхованія и т. д. Также изданія *Institute of Actuaries* и вообще періодическія публикаціи обществъ страховыхъ знаній.

²⁾ Мы не считаемъ возможнымъ говорить о страховой „наукѣ“ (*Versicherungswissenschaft*) такъ какъ страховыя знанія объемлютъ рядъ свѣдѣній изъ прикладныхъ дисциплинъ. „Наука страхового права“, „Наука экономіи страхованія“, „Наука страховой математики“ (*Science of actuaries*), — все это весьма ненаучные термины для обозначенія соотвѣтственныхъ частей знанія. Но, конечно, если можно говорить о „*Kontorwissenschaft*“ (ср. *O. Swoboda's Kontorwissenschaften*), тогда неопасенъ терминъ *Versicherungswissenschaft*. Въ неустановившемся русскомъ словоупотребленіи желателенъ однако болѣе точный терминъ.

³⁾ Ср. *A. Manes Die Versicherungswissenschaft auf den Deutschen Hochschulen. Berlin. 1903. Vorschläge zur Förderung der Versicherungs-*

вопросъ о тѣхъ границахъ, въ которыхъ должно преподавать технику страхованія. Должны ли студенты, теоретически изучающіе страхованіе, выходить изъ учебнаго заведенія готовыми страховыми техниками?

Всѣ названныя книги и рядъ авторитетовъ (Ehrenberg, Bischoff, Lexis, v. Bortkiewicz) отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. И дѣйствительно, задача профессиональнаго образованія не есть профессиональная выучка, подготовка къ совершенно опредѣленной работѣ въ громадномъ механизмѣ какой-либо отрасли труда. Юридическій факультетъ не можетъ особо готовить помощниковъ секретаря окружнаго суда, особо — слѣдователей, особо — административныхъ юристовъ. Задача здѣсь, очевидно, въ томъ, чтобы специальной подготовкой облегчить данному лицу ориентированіе и сознательное функционированіе въ извѣстной области. Выражаясь конкретно и рѣзко, мы скажемъ, что на юридическомъ факультетѣ не должно учить клеить марки или описывать имущество, — а должно лишь выяснять, когда и какъ это дѣлается.

Создать специалиста по страхованію это значитъ, по нашему мнѣнію, уяснить студенту весь механизмъ страхового дѣла, его функціи и техническія предпосылки. Памятуя, что „Begriffe ohne Anschauungen sind leer“ (Kant), должно стремиться къ обученію наглядному, показывать студенту всѣ тѣ документы и бланки, книги и формуляры, съ которыми ему придется столкнуться. Такое ознакомленіе поможетъ ему впоследствии быстро освоиться съ любой работой, которую ему дадутъ. Но теоретическое образованіе не можетъ, на примѣръ, подготовить пожарныхъ ликвидаторовъ, диспашеровъ, и т. п.; По справедливому замѣчанію Ehrenberg'a (l. c., p. 52), такіе специалисты нуждаются въ теоретическомъ знаніи послѣ ознакомленія съ практикой, а не до этого ознакомленія.

Названныя выше книги даютъ въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ мнѣніемъ общія указанія о техникахъ дѣла. Но въ литературѣ существуетъ рядъ работъ практиковъ, въ формѣ

wissenschaft (Veröffentlichungen des Deutschen Vereins für Versicherungswissenschaft, Heft III). Zft für die gesammte Versicherungswissenschaft; IV p. 267 и 490; V p. 142 и 490; VI p. 187, 350, 551, 715. Отчеты международныхъ страховыхъ конгрессовъ (V-го — томъ II p. 351—441).

монографій и журнальныхъ статей, изъ коихъ практикъ можетъ почерпнуть нужныя ему теоретико-техническія свѣдѣнія. Профессиональное образование должно лишь возбудить интересъ къ данной области и подготовить къ самостоятельной, творческой работѣ въ ней. А затѣмъ задача спеціалиста—самосовершенствованіе. Справедливо говоритъ Васон: „I hold every man a debtor to his profession, from the which as men of course do seek to receive countenance and profit, so ought they of duty to endeavour themselves bu way of amends to be a help and ornament thereunto“. Эти слова красуются на изданіяхъ старѣйшей страховой академіи—англійскаго Institute of Actuaries.

P. Boissonade. Les études relatives à l'histoire économique de la révolution française. Paris. 1906.

Нельзя не рекомендовать усиленно эту небольшую (164 стр. текста) книжку всѣмъ, интересующимся экономической исторіей Франціи конца XVIII и начала XIX в., и не желать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы профессоръ университета въ Пуатье Буассонадъ, авторъ этой книжки, нашелъ какъ можно больше подражателей. Всякій, кто занимается исторіей, очень хорошо знаетъ, какъ важны систематическіе и по возможности полные обзоры источниковъ или литературы по тому или другому вопросу, а книжка Буассонада именно и представляетъ собою такой обзоръ всего, что имѣется въ архивахъ и библіотекахъ для экономической исторіи французской революціи, причемъ авторъ даетъ десятки и сотни указаній на отдѣльныя книги, брошюры и статьи, заключающія въ себѣ тотъ или другой, сырой или обработанный матеріалъ.

Проф. Буассонадъ совершенно вѣрно говоритъ о крайней неразработанности экономической исторіи французской революціи и возлагаетъ большія надежды въ томъ, что это дѣло будетъ двинуто впередъ, на особую „Commission centrale d'histoire économique“¹⁾, созданную во Франціи по инициа-

¹⁾ Полное ея названіе—„la commission chargée de rechercher et de publier les documents d'archives relatifs à la vie économique de la révolution“.

тивъ Жореса, и на организацію съ тою же цѣлью департаментскихъ комитетовъ: дѣло, дѣйствительно, требуетъ планомерной и притомъ коллективной работы. Самъ проф. Буассонадъ значительно ее облегчаетъ своимъ обзоромъ, въ которомъ подведены итоги подъ всѣмъ, что сдѣлано, и указаны всѣ пробѣлы въ нашихъ знаніяхъ объ этомъ предметѣ, пробѣлы громадныя и важныя.

Книжка распадается на слѣдующія главы: I и II главы посвящены источникамъ (архивнымъ документамъ, печатнымъ изданіямъ документовъ и т. п.), и здѣсь, наприм., среди сотенъ всякихъ указаній мы найдемъ даже ссылки на русскія изданія въ родѣ „Русскаго Архива“ Бартенева, „Архива Воронцова“ и т. п. съ отмѣткою статьи Рамбо объ одномъ изъ этихъ изданій въ „Revue bleue“. Кромѣ того, автору извѣстны и „Письма русскаго путешественника“ Карамзина во французскихъ переводахъ. Отмѣчаю, что если Буассонадъ привлекаетъ такой иностранный матеріалъ, то какимъ же обиліемъ отличается приводимый имъ въ извѣстность матеріалъ французскій! Въ обѣихъ этихъ главахъ болѣе пятидесяти страницъ (2—57). Въ III главѣ разсматривается вопросъ о томъ, что для экономической исторіи революціи даютъ труды по политической, административной и соціальной исторіи этой эпохи какъ въ отношеніи ко всей Франціи, такъ и въ отношеніи къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, т. е. провинціямъ, департаментамъ, городамъ и т. п. вплоть до отдѣльныхъ кантоновъ, приходовъ, сельскихъ коммунъ, и въ этой главѣ около тридцати страницъ. Специально трудамъ по экономической исторіи французской революціи посвящена глава IV, и вотъ эту-то сторону авторъ справедливо считаетъ самою слабою во всей исторіографіи французской революціи. Даже болѣе легкую исторію экономическихъ идей временъ революціи онъ считаетъ разработанною крайне слабо, включая сюда и „соціалистическія теоріи революціоннаго періода“. Что ни вопросъ, то либо только самыя суммарныя данныя, либо полное незнаніе: передъ нами проходитъ рядъ указаній проф. Буассонада на то, какъ недостаточны свѣдѣнія о ростѣ національнаго богатства въ эту эпоху, отчасти о движеніи населенія и т. п. (стр. 87 — 99). Содержаніемъ V главы являются труды по исторіи сельскаго хозяйства и соотвѣтственныхъ классовъ въ эпоху революціи: по словамъ

автора, это—цѣлое поле, ждущее расчистки, такъ какъ воздѣланы здѣсь до сихъ поръ были только кое-какіе клочки (lambeaux). На тринадцати страницахъ (99—112) этой главы тоже ставится рядъ частныхъ вопросовъ, и приводится все, что заключаетъ въ себѣ матеріалъ для отвѣтовъ на эти вопросы. То же самое дѣлаетъ далѣе Буассонадъ для исторіи промышленности и промышленныхъ классовъ въ главѣ VI (стр. 112—136), гдѣ читатель можетъ найти указанія на исторію отдѣльныхъ отраслей промышленности (текстильной, металлургической и т. п.). Даже такіе вопросы, какъ ликвидація цеховъ въ 1791—1792 г., оказываются почти совсѣмъ неразработанными. То же самое, т. е. массу указаній съ жалобами на малую разработку, мы находимъ и въ главѣ VII—о торговлѣ и торговыхъ классахъ (стр. 136—163). Если бы сосчитать всѣ указанія на отдѣльныя книги или брошюры и журнальныя статьи, какія даются проф. Буассонадомъ, то получатся навѣрное цѣлыя тысячи справокъ, и съ этой стороны онъ оказываетъ неоцѣнимую заслугу будущимъ изслѣдователямъ. Общій его выводъ тотъ, что кое-что сдѣлано, но что многое изъ этого сдѣлано не такъ, какъ слѣдуетъ, и что только будущей планомѣрной и коллективной работѣ удастся пролить свѣтъ на экономическую исторію французской революціи.

Пріятно указать въ заключеніе, что среди работъ, о которыхъ авторъ отзывается съ похвалою, есть и вышедшія изъ-подъ пера русскихъ ученыхъ.

Н. Каргевъ

Les Comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial (1789—1793). Documents publiés par Ph. Sagnac et P. Caron. P. 1907.

Этотъ большой томъ (XLIV + 826 стр.), изданный особой издательской комиссіей при французскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, входитъ въ составъ большой „Коллекціи неизданныхъ документовъ по экономической исторіи французской революціи“. Пока въ этой коллекціи издано два большихъ тома „наказовъ“ (cahiers des doléances) теперешняго департамента Луарэ и одинъ томъ (первый) такихъ же

„наказовъ“ деп. Марны, а кромѣ того, первый томъ „Протоколовъ комитетовъ сельскаго хозяйства и торговли въ собраніяхъ революціонной эпохи“. Последнее изданіе, вѣроятно, будетъ заключать нѣсколько томовъ.

Лежащая передъ нами большая книга заключаетъ въ себѣ наиболѣе важные и характерные документы феодальнаго комитета учредительнаго собранія и комитетовъ законодательства въ законодательномъ собраніи и національномъ конвентѣ. Редакторы изданія, проф. лильскаго университета Саньякъ, авторъ извѣстнаго труда „La législation civile de la révolution française“ (1898), и архивистъ національнаго архива Каронъ, изъ всей массы бумагъ названныхъ комитетовъ выбрали, какъ заявляютъ въ своемъ предисловіи, только одну двѣнадцатую ихъ часть, которую нашли болѣе цѣнной и содержательной. До сихъ поръ эти документы были извѣстны только отчасти, и лишь кое-что было изъ нихъ напечатано въ 1878 г. мною въ „Крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“, а черезъ двадцать лѣтъ, когда моя книга не была еще переведена по-французски, теперешнимъ редакторомъ изданія Саньякомъ въ вышеназванномъ трудѣ о гражданскомъ законодательствѣ французской революціи. Въ настоящее время этотъ архивный матеріалъ (368 №№) дѣлается доступнымъ большому числу историковъ, хотя редакторы изданія приглашаютъ будущихъ изслѣдователей революціи все-таки обращаться и въ самый архивъ, гдѣ остается въ бумагахъ названныхъ комитетовъ еще масса матеріала, особенно важнаго для исторіи отдѣльных мѣстностей въ эпоху революціи.

Матеріалы, опубликованные Саньякомъ и Карономъ, даютъ массу цѣнныхъ свѣдѣній не только для исторіи отмѣны сеньерьяльнаго режима во Франціи въ 1789—1793 гг., но и для характеристики самого этого режима передъ 1789 г., вслѣдствіе чего являются необходимымъ дополненіемъ къ наказамъ 1789 г. Редакторы изданія придаютъ крестьянскимъ прошеніямъ, жалобамъ и протестамъ, присылавшимся въ комитеты представительныхъ собраній, большую объективную цѣнность. Къ сожалѣнію, феодальный комитетъ не оставилъ послѣ себя протоколовъ своихъ работъ, но зато есть все-таки въ изданіи документы, дающіе намъ возможность лучше узнать, какъ шла работа по уничтоженію феодальныхъ правъ,

какими юридическими принципами и политическими соображеніями при этомъ руководились и т. п. Между прочимъ, въ предисловіи указывается на то, какъ нормы римскаго права были примѣняемы къ чисто средневѣковымъ, феодальнымъ по своему происхожденію отношеніямъ. Само это предисловіе тоже заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ важнымъ критическимъ замѣчаніямъ о революціонномъ законодательствѣ.

Вообще новая коллекція историческихъ документовъ по исторіи французской революціи очень интересна, и мы къ ней еще вернемся.

Н. Каръевъ.

Emile Bourgeois et E. Clermont. Rome et Napoléon III (1849—1870). Etude sur les origines et la chute du second Empire. Paris. 1907.

Нѣтъ, можетъ быть, ни одного эпизода въ дипломатической исторіи Европы XIX столѣтія, который представлялъ бы большій интересъ и являлся болѣе запутаннымъ, нежели тотъ, которому посвящена настоящая книга. Безспорно, съ одной стороны, что вокругъ него вертятся причины историческихъ явленій, очень, на первый взглядъ, отдаленныхъ, и что онъ отражается на всемъ ходѣ международной борьбы середины XIX вѣка. Съ другой стороны, онъ складывается изъ сѣти историческихъ недомолвокъ и противорѣчій, въ которыхъ разобраться не такъ то легко; и это тѣмъ болѣе, что лица, принимавшія въ немъ участіе, сдѣлали все, чтобы запутать потомству возможность правильно ориентироваться въ исторіи вопроса и правильно установить роль, которую играло каждое изъ нихъ.

Буржуа и Клермонъ одинаково проникнуты какъ сознаниемъ важности вопроса съ исторической точки зрѣнія, такъ и его крайней осложненности, благодаря указаннымъ особенностямъ историческихъ источниковъ. Въ результатѣ такого сознанія явились двѣ особенности ихъ коллективнаго труда, особенности, которыя дѣлаютъ его несомнѣнно выдающимся явленіемъ въ новѣйшей литературѣ дипломатической исторіи XIX вѣка. Съ одной стороны, они поставили свою работу въ широкую рамку общеевропейской исторіи, слѣдуя

въ этомъ отношеніи урокамъ великаго учителя всей французской молодой исторической школы--Альбера Сореля. Съ другой стороны, они отнеслись съ тщательнѣйшимъ вниманіемъ къ чтенію тѣхъ документовъ, на которыхъ основана работа: пользованіе этими документами доведено до почти „математической“ точности; всякое положеніе доказывается почти такъ, какъ доказываются математическіе выводы; показаніе одного свидѣтеля провѣряется показаніями другого, и къ оцѣнкѣ всякаго документа прилагается здравый и правильный скептицизмъ. Это качество отнюдь не общераспространенно въ работахъ французскихъ ученыхъ аналогичнаго характера; объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ самъ Эмиль Буржуа, предыдущія работы котораго отличались необыкновенною поспѣшностью выводовъ и необыкновенно поверхностнымъ отношеніемъ къ документамъ.

Авторы раздѣлили свою работу на двѣ части: первую половину взялъ на себя Клермонъ, разработавшій исторію оккупации папской области въ 1849 году, вторую половину написалъ Буржуа, обратившій центральное вниманіе на событія 1869 и 1870 г.г. Между этими двумя частями лежитъ нѣкоторый перерывъ, заполненный лишь наскоро составленной главой, занимающей 18 страницъ и посвященной исторіи всего періода между 1849 и 1869 годами, періода, полного интереса и отражающагося непосредственнымъ образомъ на окончательномъ рѣшеніи римскаго вопроса. Въ этомъ несомнѣнный недостатокъ работы, но онъ вполне простителенъ, если принять во вниманіе, что объ центральныхъ части работы выполнены превосходно.

Никому не удавалось до сихъ поръ съ такою ясностью и такою логическою силою вскрыть запутанную и полную противорѣчій исторію оккупации Рима войсками второй французской республики, какъ Клермону, въ первой части разбираемой книги. Политическій вопросъ, который ставился передъ французскимъ правительствомъ въ 1849 году, имѣлъ весьма сложное заданіе. Въ Римѣ только что провозглашена была республика, водворенная на смѣну реакціснаго режима Папы Пія IX. Піи IX удалился въ Гаету и собиралъ вокругъ себя всѣ итальянскія и европейскія реакціонныя силы, готовые оружіемъ возстановить его свѣтскую власть въ Римѣ. Во Франціи боролись двѣ силы—съ одной стороны только

что вышедшіе изъ революціоннаго взрыва республиканское правительство и республиканскій парламентъ и, съ другой, „принцъ-президентъ“, готовившійся къ государственному перевороту во имя возстановленія имперіи. Желаніе помѣшать реакціонной Европѣ помимо воли Франціи водворить папу въ Римѣ влекло къ вмѣшательству въ происходившую на берегу Тибра борьбу указанные первые элементы тогдашней Франціи; для нихъ задачей вмѣшательства не было и не могло быть возстановленіе папской власти и разрушеніе Римской республики; имъ дорога была идея, которую символизировало имя Маццини. Принцъ-президентъ, напротивъ того, видѣлъ въ этомъ вмѣшательствѣ прежде всего средство пріобрѣсти поддержку клерикально настроенной французской арміи и французскаго вліятельнаго духовенства и сознательно искалъ возстановленія папской свѣтской власти. Обѣ тенденціи, прямо противоположныя другъ другу, развиваются параллельно: по мѣрѣ того, какъ вѣсы склоняются во Франціи въ пользу то одного, то другого изъ борющихся элементовъ, колеблется и политика въ Римѣ. Въ концѣ концовъ, въ Парижѣ побѣждаетъ вліяніе принца-президента и французскій оккупационный корпусъ, встрѣченный Римомъ какъ отрядъ республиканскихъ „братъевъ“, водворяетъ Пія IX въ Ватиканѣ. Двусмысленность каждаго шага, сопровождающаго оккупацию, слабость республиканскаго большинства, двойная игра большинства дѣйствующихъ лицъ, фатальность грустнаго исхода кампаніи, — все это съ большою яркостью и мастерствомъ изображено авторомъ первой части разбираемаго сочиненія.

Не менѣе запутанной представляется и исторія переговоровъ вокругъ римскаго вопроса въ концѣ Наполеоновскаго царствованія. Сознавая въ концѣ 60-хъ годовъ, что война съ Пруссіей сдѣлалась неизбежною, и затѣмъ легкомысленно начавъ ее въ 1870 г., французскіе государственные люди того времени продолжаютъ больше всего думать объ оборонѣ свѣтской власти папства, а тѣмъ самымъ подрываютъ въ концѣ возможность найти союзниковъ въ Европѣ. Несмотря на всю внутреннюю слабость Наполеоновскаго режима, эти возможные союзники безспорно существовали въ лицѣ Италіи и Австріи. Во что бы то ни стало желая сохранить власть Пія IX, Франція закрываетъ себѣ возможность

ихъ помощи. Италія,—при всемъ желаніи Виктора Эммануила помочь Наполеону III, — не можетъ сдѣлать этого, пока послѣдній мѣшаетъ ей занять Римъ. Австрія готова идти съ Италіей, но одна не рѣшается рисковать борьбой съ Пруссіей и стоящей за нею Россіей. Отказываясь измѣнить политикѣ 1849 года, Наполеоновское правительство, наканунѣ тяжелыхъ испытаній войны 1870 — 1871 г.г., съ легкимъ сердцемъ отказалось отъ помощи двухъ великихъ державъ, въ искренности которыхъ въ ту минуту оно не могло сомнѣваться. И это было бы, быть можетъ, не столь трагичнымъ, если бы дѣло шло только объ испытаніяхъ на восточномъ фронтѣ; нѣтъ, одновременно съ пораженіями у Седана и Меца, происходитъ крушеніе и того дѣла, которому Наполеонъ десятки лѣтъ служить безкорыстно и вѣрно, дѣла свѣтской власти папъ. Эвакуація Рима французскимъ оккупационнымъ корпусомъ и затѣмъ *Venti Settembre*, черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ, во имя охраны власти Пія IX, Франція отказалась отъ двухъ полезнѣйшихъ внѣшнихъ союзовъ, служатъ, не менѣе Седана и Меца, характерными признаками гибели всего политическаго зданія, которое построилъ во Франціи и въ Европѣ племянникъ Великаго Наполеона.

Описаніе этого процесса требуетъ еще большаго вниманія со стороны историка, нежели описаніе исходнаго пункта Римской эпопеи второй имперіи. Секретные переговоры, предшествовавшіе войнѣ и возобновившіеся въ моментъ ея открытія, извѣстны были лишь въ небольшихъ обрывкахъ. Буржуа удалось дать полную картину всего либиринта этихъ переговоровъ. Картина, которую онъ даетъ, полна захватывающаго драматизма, и невольно заражаешь тѣмъ чувствомъ патріотической скорби, которымъ проникнуты изысканія автора, дающія впервые возможность оцѣнить всю глубину легкомыслія и самонадѣянности министерства Эмиля Оливье.

Не будемъ приводить дальнѣйшихъ выводовъ Клермона и Буржуа, и закончимъ нашу бѣглую замѣтку настойчивымъ и убѣжденнымъ совѣтомъ всѣмъ интересующимся дипломатическою исторіею новѣйшаго времени познакомиться съ ихъ добросовѣстнымъ и талантливимъ трудомъ.

Проф. Бар. Б. Э. Нольде.

К. Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Публичныя лекціи и очерки. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія 1906 г. подъ ред. и съ пред. прив. доц. Спб. Унив. І. М. Кулишера. В. І и II-ой Ц. 1 р. 75 к. Спб. 1907 г.

Книгоиздательство и редакторъ, выпуская полный переводъ извѣстной книги К. Бюхера, оказали весьма существенную услугу не только учащейся молодежи, но и широкимъ слоямъ читающей публики, интересующейся общественными вопросами. Изученіе экономической науки, построенное на рациональныхъ началахъ, непремѣнно требуетъ ознакомленія съ главнѣйшими очерками, содержащимися въ данной книгѣ; къ тому же, ознакомленіе это должно представлять собою одинъ изъ первыхъ шаговъ въ полученіи экономического образованія. Отсутствие полного перевода работы Бюхера на русскомъ языкѣ составляло важный пробѣлъ, нынѣ заполненный—и притомъ въ высшей степени удачно. Переводъ выполненъ необыкновенно добросовѣстно, книга читается легко; редакторъ не полѣнился дать нѣкоторыя весьма цѣнныя указанія библиографическаго характера. Все это заставляеть надѣяться, что изданіе, хотя и не совсемъ дешевое, войдетъ въ домашнюю библіотеку всякаго образованнаго или стремящагося къ образованію читателя.

Первый выпускъ имѣеть, конечно, бѣльшее значеніе именно здѣсь помѣщается грамадной научной важности очеркъ „Возникновеніе народнаго хозяйства“, давшій названіе всей книгѣ. Какъ извѣстно, Бюхеръ попытался уложить эволюцію хозяйственной жизни въ схему, построенную на слѣдующемъ началѣ: „отношеніе между производствомъ предметовъ и ихъ потребленіемъ, опредѣляемое длиной того пути, который долженъ пройти предметъ отъ производителя къ потребителю“. „Съ этой точки зрѣнія“, говоритъ Бюхеръ, „все экономическое развитіе, по крайней мѣрѣ народовъ средней и западной Европы, поскольку оно доступно историческому изслѣдованію, можетъ быть раздѣлено на три степени“—степень замкнутаго домашняго хозяйства, степень городского хозяйства и степень народнаго хозяйства. Мы не станемъ вдаваться въ детали спора, возгорѣвшагося вокругъ

работы Бюхера; отмѣтимъ только слѣдующее. Нечего было и сомнѣваться, что горячіе сторонники ново-исторической школы въ первое время придуть въ ужасъ отъ смѣлости Бюхера, прекратившаго „накопленіе матеріала“ и рискнувшего схематизировать имѣющійся запасъ.

Съ большой радостью и крупныя, и мелкія авторитеты ухватились за „ступени“ экономической эволюціи, отмѣчая ихъ абстрактность, неполное соотвѣтствіе конкретной исторической жизни. Предъ ихъ взорами опять всплылъ страшный призракъ абстрактнаго изслѣдованія, выясненія „сущности“ хозяйственныхъ формъ, вмѣсто кропотливаго, но не требующаго большого таланта ихъ „описанія“.

Бюхеръ, повидимому, сначала не понялъ, въ чемъ дѣло, и началъ увѣрять противниковъ, что вовсе не намѣревался дать исчерпывающей картины хозяйственнаго развитія. Онъ не замѣчалъ, что многіе нападаютъ на него именно за попытку разломать рамки „исчерпывающихъ“ монографій. Вопросъ, очевидно, былъ перенесенъ на почву методологіи. И можно смѣло сказать, что главная заслуга Бюхера лежитъ именно въ этой области: съ содержаніемъ его схемы можно и должно спорить, но самая попытка ея конструирования — важный этапъ въ развитіи современной экономической науки. Заниматься-ли только собираніемъ матеріала долженъ экономистъ, или на его обязанности лежитъ обобщеніе этого матеріала, болѣе или менѣе широкое, въ зависимости отъ качества послѣдняго, обобщеніе, неразрывно связанное съ абстракціей? Бюхеръ воочію показалъ теоретическую убогость „историковъ экономистовъ“ и въ этомъ смыслѣ успѣлъ оставить глубокой слѣдъ въ наукѣ. Волей-неволей, но на путь широкихъ обобщеній, возражая Бюхеру, долженъ былъ пойти и Г. Шмоллеръ и даже спорить о томъ, кому въ области стематизирования экономической эволюціи—ему или Бюхеру—принадлежитъ пальма первенства. Нѣсколько лѣтъ спустя (послѣ появленія книги Бюхера), строгому „историко-реалистическому“ направленію наносится новый ударъ: одинъ изъ талантливѣйшихъ нѣмецкихъ профессоровъ, В. Зомбартъ, переноситъ центръ тяжести анализа „сущности“ экономическихъ явленій изъ области прошлаго въ настоящее и рискуетъ продолжить работу Маркса, выпуская: „Современный капитализмъ“. При этомъ онъ во всеуслыша-

ніе не стѣсняется, себя называть ученикомъ не только Шмоллера, но и Маркса.

На эту методологическую сторону вопроса, составляющую „*materiam belli*“, но обыкновенно ускользающую при разборѣ книги Бюхера, мы въ своей рецензїи и обращаемъ особенное вниманіе, не стѣсняясь размѣрами цитатъ. Въ заключенїи къ очерку „Возникновеніе и хозяйства“ Бюхеръ говоритъ слѣдующее: „Домашнее хозяйство, городское хозяйство, народное хозяйство не представляютъ послѣдовательныхъ ступеней, изъ коихъ каждая исключаетъ остальные. Всегда какая нибудь форма хозяйства преобладала, и она въ глазахъ современниковъ считалась нормальной. Еще и въ настоящее время сохранились нѣкоторые элементы городского хозяйства и даже замкнутаго домашняго“. . . „Отсюда какъ будто вытекаетъ, что неправы тѣ, которые видятъ задачу политической экономїи въ выясненїи сущности и связи хозяйственныхъ явленій, и правильнѣе поступаютъ тѣ, кто удовлетворяется описаніемъ хозяйственныхъ формъ и ихъ историческихъ видоизмѣненій.

Однако, такого рода заключеніе было бы роковой ошибкой; это значило бы отказаться отъ результатовъ научнаго труда болѣе чѣмъ столѣтняго періода и совершенно превратно понимать нашу современную экономическую жизнь. Въ настоящее время даже въ самомъ отдаленномъ крестьянскомъ хозяйствѣ ни одинъ мѣшокъ пшеницы не производится внѣ связи съ общимъ народно-хозяйственнымъ обращеніемъ“.

„Мы съ большимъ удовлетвореніемъ привѣтствуемъ по этому тотъ фактъ, что послѣ періода усерднаго собиранія матеріаловъ, въ новѣйшее время опять ревностно принялись за проблемы современнаго мѣноваго хозяйства, причемъ провѣрка и дальнѣйшее развитіе прежней системы совершается по тому же пути, которымъ она возникла, но на основанїи болѣе богатаго фактическаго матеріала. Ибо, помимо изолирующей абстракціи и логической дедукціи (курсивъ—нашъ), нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, другого метода изслѣдованія, съ которымъ можно было бы подойти къ выясненію сложныхъ причинъ мѣновыхъ явленій. Единственный индуктивный методъ, о которомъ можетъ идти еще здѣсь рѣчь—статистическій—для большинства относящихся

сюда вопросовъ слишкомъ грубъ и можетъ служить лишь какъ дополнительное или повѣрочное вспомогательное средство“ (стр. 133—134).

Само собою разумѣется, что необходимая для построения теории абстракція не будетъ висѣть въ воздухѣ: рѣчь идетъ только о надлежащей обработкѣ того же эмпирическаго матеріала, къ собиранію котораго исключительно призывала историческаго школа. Теорія создается комбинированіемъ эмпирическаго и отвлеченнаго начала, историки не замѣчали (или, по крайней мѣрѣ, не умѣли дѣлать изъ этого соответствующихъ методологическихъ выводовъ), что гонимое ими „отвлечение“ есть непремѣнный спутникъ всякаго „познаванія“. Дѣло заключается лишь въ большей или меньшей степени его приложенія, смотря по характеру задачи, по объему обобщаемаго матеріала. Кто желаетъ понять основныя тенденціи прошлаго и настоящаго хозяйства, тому придется болѣе напрягать „изолирующе абстрагирующую“ мысль. Именно съ этой методологической точки зрѣнія и была поведена атакка „австрійской“ школы противъ нео-историковъ, такъ что приведенныя выше разсужденія не были новостью для исторической школы. Но такъ какъ австрійскіе теоретики слишкомъ грубо обошлись съ историческимъ началомъ, по просту оказались неспособны воспріять при конструированіи своей теории идею эволюціи, да при этомъ еще сошли въ своихъ построеніяхъ съ общественной точки зрѣнія (доказывать это въ данной рецензій — неумѣстно), то „историки“ могли сохранять довольно гордый видъ. Теперь ударъ былъ нанесенъ несомнѣннымъ историкомъ-экономистомъ—и тѣмъ сильнѣе пришлось его почувствовать. Каково было лицамъ, прямо издѣвавшимся надъ односторонностью, нежизненностью классиковъ, выслушивать отъ своего товарища рѣчи такого рода. Говоря объ изученіи прошлаго хозяйства, Бюхеръ замѣчаетъ, что, „здѣсь, прежде всего, ... имѣетъ значеніе собираніе фактовъ и ихъ морфологическое описаніе; но затѣмъ явленія должны быть правильно опредѣлены по существу, логически расчленены и изслѣдованы въ отношеніи ихъ причинной связи. Необходимо, слѣдовательно, пользоваться тѣмъ же методомъ, какой „классическая экономическая наука“ (курсивъ — нашъ) примѣнила къ изученію современнаго хозяйства“. (ст. 134). На-

сколько горьки должны были быть замѣчанія В. Зомбарта, выраженные въ очень мягкой формѣ (вступленіе къ „Современному капитализму“), что недостаточно лишь собирать факты и факты и что „специфическій моментъ теоріи слѣдуетъ искать въ распорядкѣ, съ точки зрѣнія какого-либо единого принципа истолкованія“. Правда, наука уже имѣла представителя, отлеченія котораго опирались на обширнѣйшій историческій матеріалъ, но... это былъ К. Марксъ.

Переходя съ формальной стороны къ содержанію схемы Бюхера, мы ограничимся лишь весьма немногими замѣчаніями, такъ какъ по этому поводу много писалось и говорилось; да, кромѣ того, кратко нельзя разсмотрѣть этого вопроса. Дѣло въ томъ, удачно ли выбрано Бюхеромъ „основаніе классификаціи“? Не понуждаетъ-ли насъ принятая имъ точка зрѣнія сваливать въ одну кучу или, по меньшей мѣрѣ, недостаточно разграничивать совершенно отличныя другъ отъ друга хозяйственныя формы? Такое затрудненіе, несомнѣнно, встрѣчается: вѣдь въ стадію „замкнутаго домашняго хозяйства“ входятъ такіе глубоко отличныя (съ другихъ точекъ зрѣнія) формы, какъ свободное „трудовое“ хозяйство и рабовладѣльческое (крѣпостническое)! Съ другой стороны, при такомъ размѣщеніи совершенно неясенъ институтъ рабства въ новое время. Зомбартъ совершенно вѣрно опредѣлилъ недостатки схемы Бюхера, хотя ему самому врядъ ли удалось вполне разрѣшить задачу. Въ третьей главѣ „Введенія“ къ „Современному капитализму“ онъ говоритъ слѣдующее: „Своей большой популярностью она (теорія Бюхера) обязана, безъ сомнѣнія, блестящему изложенію и, прежде всего, тому значительному упрощенію, которому подверглась разсмотрѣнная въ ней проблема“. Между тѣмъ, ученія Родбертуса, Маркса, Энгельса, Шмоллера, дающія, по мнѣнію Зомбарта, опору Бюхеру, нерѣдко носятъ случайный, отрывочный характеръ (особенно Марксъ-Энгельсъ) и требуютъ отъ читателя значительной подготовки. Не смотря, на свою популярность, теорія Бюхера несостоятельна. „Ея основная ошибка заключается въ томъ, что она дѣлаетъ попытку дать систематику ступеней хозяйства, опираясь лишь на внѣшніе признаки, тогда какъ критеріемъ для ихъ различенія слѣдуетъ скорѣе избрать разнородный духъ, господствующій въ разныя времена надъ

явленіями хозяйственной жизни“. Не соглашаясь съ Зомбартомъ въ выборѣ новаго основанія классификаціи, мы считаемъ сдѣланный имъ Бюхеру упрекъ въ „поверхности“ основательнымъ. Кто желаетъ правильно понять хозяйственную эволюцію, тотъ долженъ строить свою систему не на анализѣ вещей и ихъ движенія, а на уясненіи отношеній людей. Какъ организуется производство, каковы — производственныя отношенія, влекуція за собой тѣ либо другія формы обмѣна и распредѣленія — вотъ коренной вопросъ. Конечно, у Бюхера мы найдемъ освѣщеніе и этой стороны проблемы, но анализъ начать не съ того конца, а потому схема и страдаетъ многими недостатками.

Что касается возраженій Эд. Мейера по поводу древняго хозяйства, то, конечно, они — справедливы, и напрасно Бюхеръ пытался уклоненіемъ въ сторону представить ихъ, какъ несправедливыя требованія детальнаго изображенія соотвѣтствующей исторической эпохи. Мейеръ прекрасно показалъ, что древній міръ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ начальная стадія современной хозяйственной жизни Европы. „Капитализмъ древняго міра“ составляетъ теперь интересную тему для изслѣдованія (см. недавно вышедшую любопытную работу Salvioli — „Le capitalisme dans l'ancien monde“). Несомнѣнно, существеннымъ дополненіемъ схемы нужно считать и принятую Шмоллеромъ стадію „Weltwirtschaft“, отъ которой упорно отказывается Бюхеръ, обнаруживая этимъ непониманіе „сущности“ современныхъ хозяйственныхъ тенденцій.

Само собою разумѣется, что указанные недостатки не исключаютъ громаднаго значенія работы Бюхера, какъ одной изъ попытокъ съ единой точки зрѣнія обозрѣть хозяйственную эволюцію.

Другіе очерки, помѣщенные въ книгѣ, хотя и уступаютъ по принципиальной важности разобранному выше, все таки представляютъ большой научный интересъ. Кто, напр., желаетъ получить представленіе не о выдуманномъ, а „настоящемъ“ дикарѣ, тотъ будетъ очень благодаренъ Бюхеру за очерки: „Первобытное хозяйство“ (I) и „Экономическій бытъ современныхъ не цивилизованныхъ народовъ“ (II). Средневѣковый городъ находитъ себѣ освѣщеніе съ социальной точки зрѣнія въ XI очеркѣ. Вообще три послѣдніе

очерка составляют цѣнный вкладъ въ экономическую исторію городовъ. Не будучи въ состояніи за недостаткомъ мѣста подвергать разбору всѣхъ другихъ очерковъ (несомнѣнно интересны взгляды Бюхера на соединеніе и раздѣленіе труда), мы остановимся только на оцѣнкѣ ремесла нашимъ авторомъ. Въ IX-омъ очеркѣ — „Организація труда и образованіе общественныхъ классовъ“ Бюхеръ совершенно основательно возражаетъ Шмоллеру, ставящему въ причинную зависимость раздѣленіе труда и социальную дифференціацію и считающему различіе въ социальномъ положеніи („имущество, почетъ и доходъ“) лишь вторичными послѣдствіями этой дифференціаціи. Бюхеръ скорѣе склоненъ къ обратной формулировкѣ: „различіе въ имуществѣ и доходахъ есть не слѣдствіе, а главная причина раздѣленія труда“ и чувствуетъ смѣлость вскрыть классовую подоплёку теоретизированій Шмоллера:... „наслѣдственная теорія Шмоллера—конечно, помимо воли ея автора—являетъ непривлекательныя черты социальной философіи имущихъ классовъ“ (ст. 114, В. II). Однако, самъ того также, вѣроятно, не замѣчая, Бюхеръ въ своихъ разсужденіяхъ о ремеслѣ блистательно доказываетъ зависимость и своей „теоріи“ отъ опредѣленныхъ классовыхъ симпатій. И это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что въ двухъ сосѣднихъ (IV и V) очеркахъ ему приходится, собственно говоря, высказывать различныя мнѣнія по одному и тому же вопросу. Въ IV-мъ очеркѣ онъ говоритъ: „ремесло, надо думать, такъ же мало исчезнетъ, какъ исчезло домашнее производство или работа на заказъ“. (ст. 165—I Вып.). Съ негодованіемъ онъ отвергаетъ „кабинетную логику“ людей, несогласную съ логикой людей „человѣколюбивыхъ“, — кабинетную логику тѣхъ людей, которые не возлагаютъ надеждъ на устойчивость ремесла... Бюхеръ призываетъ къ „безпристрастному изслѣдованію условій существованія этихъ якобы отжившихъ болѣе раннихъ методовъ производства“...

Но вотъ это изслѣдованіе было произведено, и притомъ людьми (Verein'омъ für Socialpolitik), для которыхъ (по крайней мѣрѣ, большинства) было бы отрадно констатировать жизнеспособность „честнаго“, „стойкаго“, „патріотическаго“ ремесленничества. Выводы, какъ извѣстно, получились неутѣшительные въ этомъ смыслѣ (см. Untersuchungen über

die Lage des Handwerks in Deutschland Leipzig, 1894—97)—и Бюхеру пришлось преклониться передъ ними. „Нельзя себя обманывать. Упадокъ совершается медленно, безшумно“ (см. 192). И вызывается онъ не только простымъ вытѣсненіемъ ремесла. Конечно, „нельзя съ легкимъ сердцемъ относиться къ тому факту, что исчезаетъ широкой слой самостоятельныхъ маленькихъ людей“... Бюхеръ не знакомитъ читателей съ хозяйственнымъ поведеніемъ этихъ „маленькихъ людей“, безжалостно эксплуатирующихъ незрѣлыхъ рабочихъ хуже любого крупнаго предпринимателя, — но оставилъ это въ сторонѣ. Характерно утѣшеніе, которое находитъ себѣ авторъ:... „эта потеря... не есть невознаграждаемая... Изъ среды зависимыхъ образуется новое „среднее сословіе“, превосходящее прежнихъ мелкихъ ремесленниковъ, своей хозяйственной энергіей и соціальной приспособленностью,—элементъ общества, который создала и воспитала для своихъ цѣлей современная крупная промышленность“ (стр. 195).

Каковы общественные идеалы автора—ясно; это, впрочемъ, его дѣло, лишь бы ихъ преслѣдованіе не затемняло объективныхъ научныхъ задачъ. Между тѣмъ, здѣсь какъ разъ и совершается такое „затемненіе“: Бюхеръ, довольно тонкій аналитикъ, умудрился найти аналогію между прежней и нынѣшней мелкой буржуазіей, между „самостоятельнымъ“ ремесленникомъ и „зависимымъ“ нынѣшнимъ среднимъ сословіемъ! Онъ оказался неспособнымъ дать себѣ отчетъ, кому служить „хозяйственная энергія“, къ чему „приспособляется“ этотъ новый соціальный слой.

М. Бернацкій.

